Крушение империи

Автор:
Джон Скальци

Крушение империи

Джон Скальци

Взаимозависимость #1Звёзды новой фантастики

Человечество, лишившееся Земли, создало объединение планет и космических поселений, и это обеспечило ему выживание. Но законы Вселенной непредсказуемы, и над человечеством нависает новая угроза: Поток, особый физический феномен, благодаря которому можно путешествовать в глубины пространства, начинает разрушаться. Это значит, что все установленные связи между населенными мирами будут оборваны и цивилизацию ожидает коллапс. Но с другой стороны, это единственный шанс для потомков землян избавиться от зависимости алчных торговых гильдий, которые заботятся только о своих коммерческих интересах…

«Крушение империи» – начало новой масштабной космооперы от одного из ярчайших на сегодняшний день мастеров мировой фантастики.

Джон Скальци

Крушение империи

John Scalzi

COLLAPSING EMPIRE

© К. П. Плешков, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

Всему издательству «Тор», особенно Тому Доэрти!

Спасибо, что поверили в меня.

За удачу в ближайшие десять лет (как минимум)

Пролог

Мятежникам наверняка удалось бы выйти сухими из воды – если бы не разрыв в Потоке.

Само собой, внутри гильдий существует вполне законный, сложившийся за столетия порядок, в соответствии с которым команда корабля может поднять мятеж. Один из вышестоящих членов экипажа – желательно старший помощник, но порой главный инженер, главный техник, главный врач или, при необычном стечении обстоятельств, представитель судовладельца – предъявляет имперскому адъюнкту корабля формальный «Перечень ведущих к мятежу поводов для недовольства», согласующийся с порядком, установившимся в гильдии. Имперский адъюнкт совещается с главным капелланом корабля, собрав при необходимости свидетельские показания, и они вдвоем не позднее чем через месяц либо признают возможность мятежа, либо объявляют об отсутствии причин для него.

В первом случае начальник службы безопасности официально отстраняет от должности и помещает под арест капитана корабля, которому по прибытии в очередной пункт назначения предстоит пройти официальное разбирательство в гильдии и понести наказание. Его могут лишить корабля, звания и права на космические полеты; ему даже могут предъявить реальное обвинение, гражданское или уголовное, заканчивающееся тюремным сроком или, в самых серьезных случаях, смертным приговором. Во втором случае начальник службы безопасности помещает под арест высказавшего недовольство члена команды, дело которого подлежит официальному разбирательству в гильдии, и так далее, и тому подобное.

Естественно, никому никогда и в голову не приходило поступать вышеописанным образом.

Но случаются и настоящие мятежи – когда в ход идет оружие, внезапно гибнут люди, офицеры набрасываются друг на друга, подобно диким зверям, а команда пытается понять, что за хрень вообще творится. Затем, в зависимости от хода событий, капитана убивают и вышвыривают в космос, после чего оформляют все задним числом, придавая случившемуся видимость законности. Или же мятежные офицеры и члены команды оказываются по другую сторону шлюза, а капитан составляет «Акт о незаконном мятеже», лишающий членов семей мятежников всех привилегий и пенсий, что означает голодную смерть для их супругов и детей и также запрет на участие в деятельности гильдии для потомков в течение двух поколений, поскольку считается, что мятежный дух заложен в ДНК наподобие цвета глаз или склонности к изжоге.

Именно с настоящим, а не бумажным мятежом сейчас имела дело капитан Аруллос Гинеос, пребывавшая на мостике «Ври больше», и, если честно, дела для нее складывались не лучшим образом. Точнее говоря, как только старший помощник со своей командой прожгли бы себе путь сквозь переборку с помощью сварочных аппаратов для ремонта корпуса, Гинеос и все находящиеся с ней на мостике стали бы жертвами «несчастного случая», суть которого будет описана позже.

– Сейф с оружием пуст, – доложил третий помощник Невин Бернус. Гинеос лишь молча кивнула – удивляться вряд ли стоило. Код, с помощью которого открывался оружейный сейф, знали ровно пятеро: капитан, вахтенные офицеры и начальник службы безопасности Бремман. Один из пятерых забрал оружие во время прошлой вахты – логика указывала на старшего помощника Олли Инверра,

который сейчас вместе с дружками прокладывал путь сквозь стену.

Нельзя сказать, что Гинеос была полностью безоружна: в сапоге у нее имелся низкоскоростной игломет, по привычке, оставшейся с тех пор, когда она еще подростком бегала по подземным туннелям Груссготта вместе с бандой Быстробешеных Псов. Единственная заряженная в него игла предназначалась для использования вблизи, а на расстоянии больше метра ее попадание могло лишь разозлить противника. Так что Гинеос не питала ни малейших иллюзий, будто игломет способен спасти ее саму или ее команду.

– Доложи обстановку, – приказала Гинеос Лике Данн, пытавшейся связаться с другими офицерами «Ври больше».

– С тех пор как вышла на связь Фаночи, из машинного отделения ничего не слышно, – ответила Данн. Именно Ева Фаночи, главный инженер, подняла тревогу, когда машинное отделение захватила вооруженная группа во главе со старшим помощником, после чего Гинеос перекрыла все входы на мостик и объявила на корабле чрезвычайное положение. – Главный технолог Воссни не отвечает, доктор Джатмен тоже. Бремман заперт в своей каюте.

Имелся в виду Питер Бремман, начальник службы безопасности «Ври больше».

– Что с Эгерти?

От Лупа Эгерти, представителя судовладельца, толку чаще всего было не больше, чем молока от пресловутого козла, но он вряд ли мог участвовать в мятеже, поскольку мятежи не способствуют успешному бизнесу.

– Ничего. Как и от Славина с Прином. – Речь шла об имперском адъюнкте и капеллане. – Второй помощник Ниин тоже не доложился.

– Они почти пробились. – Бернус показал на переборку.

Гинеос невольно поморщилась. Ее совершенно не устраивал старший помощник, навязанный гильдией с одобрения дома Тойс, владельцев «Ври больше». Сама Гинеос предлагала на эту должность второго помощника, Ниина. Пожалуй, в следующий раз стоит быть настойчивее.

«Вот только следующего раза не будет», – подумала Гинеос. По сути, она была уже мертва, как и оставшиеся преданными ей офицеры, а поскольку «Ври больше» находился в Потоке, где ему предстояло пребывать еще месяц, не было никакой возможности запустить корабельный черный ящик и сообщить хоть кому-нибудь о том, что случилось на самом деле. К тому времени, когда «Ври больше» выйдет из потока у Края, будут подчищены все следы, сфабрикованы свидетельства и сочинена соответствующая история. «С Гинеос случилась трагедия, – скажут они. – Взрыв. Множество погибших. Но она отважно вернулась назад, пытаясь спасти как можно больше жизней».

Или что-то вроде этого.

Переборка прогорела, и минуту спустя металлическая плита рухнула на палубу. На мостик шагнули трое членов команды, водя излучателями из стороны в сторону. Никто из находившихся на мостике не пошевелился. Один из вооруженных дал знак – «все чисто», – и в дыру, пригнувшись, шагнул старший помощник Олли Инверр. Высмотрев Гинеос, он направился к ней, а один из его сообщников нацелил на нее излучатель.

– Капитан Гинеос… – обратился к ней Инверр.

– Привет, Олли, – ответила она.

– Капитан Аруллос Гинеос, в соответствии со статьей тридцать восьмой части седьмой Единого кодекса Гильдий торгового флота я…

– Может, хватит нести чушь? – бросила Гинеос.

– Что ж, разумно, – улыбнулся Инверр.

– Должна сказать, мятеж у тебя получился на славу. Первым делом – захват машинного отделения: если что-то пойдет не так, всегда можно пригрозить взорвать двигатели…

– Спасибо, капитан. Собственно, я пытался свести жертвы к минимуму.

– То есть Фаночи пока что жива?

– Я же сказал «к минимуму», капитан. Увы, главный инженер Фаночи оказалась не слишком сговорчивой. На ее место назначен помощник главного инженера Хайберн.

– Сколько с тобой других офицеров?

– Вряд ли это должно вас волновать, капитан.

– Что ж, по крайней мере, ты не притворяешься, будто не собираешься меня убивать.

– К вашему сведению, мне очень жаль, что так вышло. Я действительно вами восхищаюсь.

– Я уже сказала, Олли: хватит нести чушь.

– Вы никогда не поддавались на лесть, – снова улыбнулся Инверр.

– Не хочешь рассказать, зачем ты устроил этот переворот?

– В общем-то, нет.

– И все же – не откажи в удовольствии. Мне хотелось бы знать, из-за чего я скоро умру.

Инверр пожал плечами:

– Из-за денег, естественно. Мы везем большой груз оружия для военных Края, чтобы помочь им бороться с восстанием, – винтовки, излучатели, ракетометы. Сами знаете, вы же подписывали декларацию. Когда мы были на Альпине, ко мне обратились с предложением продать оружие повстанцам за вознаграждение в тридцать процентов. Сделка показалась мне выгодной, и я сказал «да».

– Интересно, как ты собирался доставить им оружие? Космопорт Края контролируется правительством.

– Оно туда просто не дотянулось бы. Мы выходим из Потока, и на нас нападают «пираты», которые забирают груз. Вы и остальные, кто не согласился с моим планом, погибают во время атаки. Легко и просто – все, кто остался, забирают деньги и радуются жизни.

– Вряд ли дом Тойс порадуется этому, – заметила Гинеос.

– Корабль и груз застрахованы, так что они ничего не потеряют.

– Они расстроятся, узнав об Эгерти. Тебе ведь придется его убить, а он – зять Яннера Тойса.

Услышав имя патриарха дома Тойс, Инверр улыбнулся:

– Мне известно из достоверных источников, что Тойс не особо расстроится, если его любимый сын станет вдовцом. У него есть и другие союзы, которые можно скрепить браком.

– Выходит, ты спланировал все от и до.

– Ничего личного, капитан.

– Когда тебя убивают из-за денег, это всегда личное, Олли.

Инверр открыл рот, собираясь ответить, но в то же мгновение «Ври больше» выпал из Потока. Сработал особый сигнал тревоги, которого никто на корабле – в том числе Гинеос и Инверр – ни разу не слышал, кроме как на учениях в академии.

Гинеос и Инверр несколько секунд стояли неподвижно, уставившись на мигающие огни, а затем бросились к своим постам – «Ври больше» неожиданно вывалился из Потока, и если они в ближайшее время не сообразят, как вернуть его обратно, то, вне всякого сомнения, окажутся в глубочайшей заднице.

Для понимания дальнейшего следует кое-что пояснить.

В этой вселенной не существует такого понятия, как «путешествие со сверхсветовой скоростью». Скорость света – не просто хорошая идея, но и закон физики. Ее невозможно достичь – чем больше к ней приближаешься, тем больше энергии требуется, чтобы продолжать движение. К тому же сама мысль о полетах на подобных скоростях внушает ужас: космос пуст по большей части, но не совсем, и столкновение с чем угодно превратит хрупкий космический корабль в разлетающиеся во все стороны куски металла. И этим обломкам все равно потребуются годы, десятилетия или века, чтобы промчаться мимо той точки, которая изначально являлась его целью.

Полет со сверхсветовой скоростью невозможен. Но есть Поток.

Для дилетантов Поток обычно описывают как некое подобие реки в альтернативном пространстве-времени, которая позволяет путешествовать быстрее света по всей Священной империи Взаимозависимых государств и Торговых гильдий, коротко именуемой Взаимозависимостью. Поток, в который попадают через «отмели», возникающие при взаимодействии с ним гравитационных полей звезд и планет, подхватывает корабли, и те могут плыть по течению к другим звездам. Именно Поток обеспечил выживание человечества после того, как оно лишилось Земли, позволив процветать торговле внутри Взаимозависимости и гарантируя любому человеческому поселению необходимые ресурсы, которые почти никто не смог бы получить самостоятельно.

Естественно, подобный взгляд на Поток слегка абсурден. Поток ничем не напоминает реку, – это многомерная метакосмологическая структура, топографически сложным образом пересекающаяся с локальным пространством-временем, на которую оказывает влияние – частичное и хаотичное и при этом отнюдь не первостепенное – гравитация. Попадающие в ее поле корабли не движутся в традиционном смысле слова, но лишь пользуются преимуществом ее векторной природы, которая, не будучи связанной законами нашей вселенной относительно скорости и энергии, создает для локального наблюдателя видимость путешествия быстрее света.

Но и это описание чересчур неуклюже, поскольку человеческий язык не в силах описать что-либо сложнее постройки дома на дереве. Для точного описания сущности Потока требуется нечто вроде математики высшего порядка, которую, вероятно, в состоянии понять лишь пара сотен человек среди миллиардов жителей Взаимозависимости, не говоря уже о том, чтобы осмысленно применить

ее для описания Потока. Вряд ли вы принадлежите к их числу – как, собственно, и капитан Гинеос или старший помощник Инверр.

Но Гинеос и Инверр знали одно: за сотни лет существования Взаимозависимости никто ни разу не слышал, чтобы корабль неожиданно вышел из Потока: такое считалось практически невозможным. Случайный разрыв в Потоке мог забросить корабль за многие световые годы от любой человеческой планеты или базы. Корабли гильдий строились с расчетом на автономное существование в течение месяцев и даже лет – иначе и быть не могло, ведь на путешествие между системами Взаимозависимости с использованием Потока требовалось от двух недель до девяти месяцев. Но одно дело, когда корабль пять-десять лет находится на полном самообеспечении по примеру самых крупных кораблей гильдий, и совсем другое, когда впереди целая вечность.

Ибо полетов быстрее света не бывает. Есть только Поток.

И если тебя случайно выбросит из него где-то среди звезд – ты труп.

– Мне нужны данные о том, где мы находимся, – сказал со своего поста Инверр.

– Сейчас, – ответила Лика Данн.

– И разверните антенны, – приказала Гинеос. – Если нас выбросило, значит здесь выходная отмель. Нужно найти входную.

– Уже, – сказал Бернус от своего пульта.

Гинеос связалась по открытому каналу с машинным отделением.

– Главный инженер Хайберн, – объявила она, – у нас случился разрыв в Потоке. Нужно немедленно запустить двигатели и обеспечить достаточную мощность силового поля, чтобы противостоять сверхвысоким перегрузкам во время маневров. Как-то не хочется превратиться в желе.

– Э-э-э-э-э… – послышалось в ответ.

– Черт побери. – Гинеос бросила взгляд на Инверра. – Он твой любимчик, Олли. Вот и займись им.

Инверр вышел на связь по своему каналу:

– Хайберн, говорит старший помощник Инверр. У тебя проблемы с пониманием приказов капитана?

– Разве у нас не мятеж? – спросил Хайберн. Благодаря своему таланту инженера он быстро продвинулся в рядах гильдии, но при этом был очень, очень молод.

– Мы только что вывалились из Потока, Хайберн. Если в ближайшее время не сумеем в него вернуться, нам всем крышка. Так что приказываю исполнять все распоряжения капитана Гинеос. Ясно?

– Да, сэр, – последовал ответ. – Уже. Начинаю экстренную процедуру запуска двигателей. Пять минут до набора полной мощности. Гм… вероятно, это может повредить двигатели, сэр… и мэм.

– Если сумеем с их помощью вернуться в Поток, то дальше разберемся, что делать, – ответила Гинеос. – Как только будешь готов к старту, сообщи. – Она выключила связь и обратилась к Инверру: – Не слишком удачное время ты выбрал для мятежа.

– Есть данные о местоположении, – сообщила Данн. – Около двадцати трех световых лет от Края, шестьдесят один от Ширака.

– Никаких локальных гравитационных колодцев?

– Нет, мэм. Ближайшая звезда – красный карлик, примерно в трех световых годах. Больше в окрестностях не видно ничего существенного.

– Как же мы вышли, если нет гравитационного колодца? – спросил Инверр.

– Вероятно, на этот вопрос смогла бы ответить Ева Фаночи, – сказала Гинеос. – Если бы ты ее не убил.

– Вот уж действительно самое подходящее время для подобных дискуссий, капитан.

– Нашел! – крикнул Бернус. – Входная отмель, в ста тысячах километров от нас! Вот только…

– Вот только что? – спросила Гинеос.

– Она от нас удаляется, – сказал Бернус. – И уменьшается в размерах.

Гинеос и Инверр переглянулись. Насколько знали они оба, входные и выходные отмели Потока имели постоянный размер и местоположение, – собственно, именно поэтому их можно было использовать для повседневных торговых перевозок. Движущаяся и уменьшающаяся отмель стала для них в буквальном смысле новостью.

«Разберемся позже», – подумала Гинеос.

– Как быстро отмель движется относительно нас и в каком темпе уменьшается? – спросила она.

– Отмель удаляется от нас со скоростью примерно десять тысяч километров в час и, похоже, уменьшается метров на десять в секунду, – минуту спустя ответил Бернус. – Не могу сказать, насколько постоянны эти скорости, – речь о том, что я наблюдаю в данный момент.

– Перешли мне данные об отмели, – сказал Инверр Бернусу.

– Не попросишь своих прислужников подождать снаружи? – обратилась Гинеос к Инверру, показывая на вооруженную команду. – Не могу сосредоточиться, когда мне в голову целятся из излучателя.

Инверр бросил взгляд на вооруженных членов команды и кивнул. Те вышли через дыру в переборке.

– Не уходите далеко, – сказал он.

– Так ты можешь проложить курс к этой отмели? – спросила Гинеос. – Пока она от нас не улизнула?

– Сейчас. – На мостике наступила тишина. – Да, – наконец ответил Инверр. – Если Хайберн в ближайшие пару минут запустит двигатели, как раз успеем, и даже с запасом.

Кивнув, Гинеос включила связь с машинным отделением:

– Хайберн, где мои двигатели?

– Еще тридцать секунд, мэм.

– Как у нас с пресс-полями? Лететь придется быстро.

– Зависит от того, как нагрузить двигатели, мэм. Если израсходовать всю энергию, ее придется откуда-то брать. Сперва из любых других источников, но потом дойдет очередь и до полей.

– Я бы предпочла быструю смерть медленной. А ты, Хайберн?

– Э-э-э-э… – последовал ответ.

– Двигатели заработали, – сообщил Инверр.

– Вижу. – Гинеос дотронулась до своего экрана. – Посылаю тебе навигационные данные, – сказала она Инверру. – Вытаскивай нас отсюда, Олли.

– У нас проблема, – послышался голос Бернуса.

– Кто бы сомневался, – усмехнулась Гинеос. – Что на этот раз?

– Отмель набирает скорость и уменьшается быстрее.

– Действую, – сказал Инверр.

– Все равно успеем? – спросила Гинеос.

– Вероятно. По крайней мере, частично.

– В каком смысле?

– В таком, что в зависимости от размеров отмели часть корабля может остаться вне Потока. У нас есть ствол и кольцо. Ствол – длинная игла, кольцо – диаметром в километр. Ствол может пройти, а кольцо, возможно, и нет.

– Корабль же разрушится, – заметила Данн.

– Речь ведь не о столкновении с физическим барьером, – покачала головой Гинеос. – Все, что окажется за пределами отмели, просто останется позади, будто срезанное бритвой. Загерметизируем переборки, ведущие в спицы кольца, и останемся живы. – Она снова повернулась к Инверру. – Если, конечно, сумеем создать пузырь.

Пузырем назывался небольшой участок локального пространства-времени, окруженный энергетическим полем, которое генерировал «Ври больше»: он сопровождал корабль в Потоке. Формально внутри Потока не существовало понятия «здесь и сейчас», и любой корабль, не взявший с собой карман пространства-времени, перестал бы существовать во всех смыслах этого слова.

– Мы можем создать пузырь, – сказал Инверр.

– Уверен?

– Если даже и нет, это не имеет значения.

Гинеос что-то проворчала и повернулась к Данн.

– Объяви общую тревогу по кораблю, пусть все перейдут из кольца в ствол. – Она снова обратилась к Инверру. – Сколько у нас времени, прежде чем мы доберемся до отмели?

– Девять минут.

– Чуть дольше, – поправил Бернус. – Отмель продолжает ускоряться.

– Скажи им, что в их распоряжении пять минут, – велела Гинеос Данн. – Затем мы перекрываем доступ в кольцо. Если кто-то окажется по другую сторону, ничего не поделаешь. – Данн кивнула и сделала объявление. – Пожалуй, стоит выпустить тех, кого ты запер в каютах, – сказала капитан Инверру.

– Мы заварили дверь в каюту Питера, – ответил Инверр, имея в виду начальника службы безопасности. Взглянув на монитор, он слегка подкорректировал траекторию «Ври больше». – Вряд ли тут что-то можно поделать.

– Весело.

– В любом случае неизвестно еще, чем все кончится.

– Ты про то, удастся ли нам добраться до отмели?

– Да. Но я имел в виду, если мы оставим позади кольцо. Нас на корабле две сотни человек. Почти вся еда и припасы – в кольце. До Края еще месяц пути. Даже при самом удачном стечении обстоятельств не все доберутся живыми.

– Что ж, – сказала Гинеос, – полагаю, ты уже планируешь сожрать мой труп первым.

– Это будет весьма благородная жертва с вашей стороны, капитан.

– Не понимаю, шутишь ты или нет, Олли.

– В данный момент, капитан, я тоже не понимаю.

– Полагаю, момент не хуже любого другого, чтобы сказать тебе, что, вообще-то, ты никогда мне не нравился.

Инверр улыбнулся, не сводя взгляда с монитора:

– Я знаю, капитан. Это одна из причин, по которым я не возражал против мятежа.

– Это и еще деньги.

– Да, и еще деньги, – согласился Инверр. – А теперь не мешайте.

В последующие несколько минут Инверр продемонстрировал, что, несмотря на все свои недостатки как старшего помощника, он, возможно, был лучшим навигатором из всех, кого видела Гинеос. Входная отмель удалялась от «Ври больше» не по прямой, – казалось, будто она уворачивается и скачет туда-сюда, словно невидимый танцор, которого можно было обнаружить лишь по редким сигналам на радиочастотах там, где Поток соприкасался с пространством-временем. Бернус отслеживал положение отмели и сообщал последние данные; Инверр вносил поправки, неумолимо приближая «Ври больше» к отмели. Это было величайшее действо за все время космических полетов, а возможно, и в истории человечества – и, несмотря ни на что, Гинеос ощущала гордость при мысли, что присутствует при этом.

– Э-э-э-э-э-э… у нас проблема, – сообщил по связи Хайберн, временно исполнявший обязанности главного инженера. – Мы подошли к той точке, когда двигателям придется забирать энергию у других систем.

– Нам нужны пресс-поля, – сказала Гинеос. – Все остальное обсуждаемо.

– Мне нужна навигация, – не поднимая взгляда, добавил Инверр.

– Нам нужны пресс-поля и навигация, – поправила Гинеос. – Все остальное обсуждаемо.

– Как насчет системы жизнеобеспечения? – спросил Хайберн.

– Если у нас ничего не получится в ближайшие тридцать секунд, будет уже неважно, можем мы дышать или нет, – сказал Инверр Гинеос.

– Отключай все, кроме навигации и пресс-полей, – приказала Гинеос.

– Принято, – ответил Хайберн, и воздух внутри «Ври больше» тут же стал более холодным и затхлым.

– Отмель уменьшилась почти до двух километров в поперечнике, – сообщил Бернус.

– Будет нелегко, – согласился Инверр. – До отмели пятнадцать секунд.

– Один и восемь десятых километра.

– Все хорошо.

– Один и пять десятых километра.

– Бернус, черт бы тебя побрал, заткнись, пожалуйста.

Бернус заткнулся. Встав, Гинеос поправила одежду и подошла к старшему помощнику.

Инверр начал отсчитывать последние десять секунд, объявив на шестой, что формирует пространственно-временной пузырь, и возобновив отсчет на третьей. Когда он произнес «ноль», стоявшая чуть позади и сбоку Гинеос увидела улыбку на его лице.

– Прошли. Целиком. Весь корабль, – сказал он.

– Потрясающая работа, Олли, – проговорила Гинеос.

– Угу, пожалуй. В любом случае трубить в фанфары не собираюсь.

– Можешь трубить. Благодаря тебе команда осталась жива.

– Спасибо, капитан, – ответил Инверр. Продолжая улыбаться, он повернулся к Гинеос, и в то же мгновение она вогнала ствол игломета, только что извлеченного из сапога, в его левую глазницу, а затем нажала на спуск. Игла с негромким щелчком вонзилась в глаз Инверра, который, широко раскрыв от

удивления другой глаз, замертво осел на пол.

По другую сторону переборки встревоженно закричали приспешники Инверра, наводя излучатели на Гинеос. Она подняла руку, и те – черт возьми! – остановились.

– Он мертв, – сказала Гинеос, кладя другую руку на пульт монитора Инверра. – Я только что отдала команду, которая взорвет все шлюзы, ведущие из корабля в пузырь. Стоит мне убрать руку с монитора, и все на корабле умрут, включая вас. Так что решайте, кто сегодня мертвец – Олли Инверр или все вы. Стоит вам в меня выстрелить, и мы все умрем. Если вы в течение десяти секунд не бросите оружие, мы все умрем. Выбирайте.

Все трое бросили излучатели. Гинеос сделала знак Данн, которая подошла и собрала оружие, протянув один излучатель Бернусу, а другой – капитану. Гинеос взяла его, убрав руку с монитора. Один из приспешников удивленно разинул рот.

– До чего же вы легковерны, черт побери, – сказала Гинеос, переключая излучатель в нелетальный режим, и выстрелила подряд во всех троих. Те рухнули без чувств. Капитан повернулась к Данн и Бернусу. – Поздравляю, вы заслужили повышение. А теперь пора разобраться с мятежниками. Займемся делом?

Часть первая

Глава 1

Последнюю неделю жизни Батрина Ву его дочь Кардения Ву-Патрик провела в основном у постели отца. Узнав, что в его состоянии медицина полностью бессильна и не может предложить ничего, кроме паллиативного лечения, тот решил умереть дома, в своей любимой кровати. Кардения, уже знавшая, что конец близок, отменила все свои дела и велела поставить возле кровати отца удобное кресло.

– Тебе что, нечем больше заняться, кроме как сидеть тут? – шутливо спросил Батрин у своей дочери и единственного оставшегося в живых отпрыска, когда она села рядом с отцом, как обычно делала по утрам.

– Прямо сейчас – нечем, – ответила она.

– Сомневаюсь. Уверен, стоит тебе выйти в туалет, и тут же налетают подхалимы, которым нужна твоя подпись или еще что-нибудь.

– Нет, – сказала Кардения. – Сейчас всем занимается исполнительный комитет. На ближайшее будущее установлен переходный режим.

– До моей смерти, – кивнул Батрин.

– До твоей смерти.

Батрин рассмеялся, едва слышно – большего не позволяла слабость.

– Боюсь, это будущее чересчур близко.

– Постарайся об этом не думать, – сказала Кардения.

– Тебе легко говорить… – После недолгой паузы Батрин поморщился, услышав какой-то звук, и повернулся к дочери: – Что это?

Кардения слегка наклонила голову:

– Ты про пение?

– Там кто-то поет?

– Снаружи целая толпа доброжелателей, – ответила Кардения.

– Уверена, что это именно доброжелатели? – улыбнулся Батрин.

Батрин Ву, отец Кардении, формально являлся Аттавио Шестым, имперо Священной империи Взаимозависимых государств и Торговых гильдий, королем Ядра и Ассоциированных наций, главой Взаимозависимой церкви, наследником Земли и отцом всего сущего, восемьдесят седьмым имперо из дома Ву, ведшего свою историю от пророчицы-имперо Рахелы Первой, основательницы Взаимозависимости и Спасительницы Человечества.

– Вне всякого сомнения, – сказала Кардения. Оба сейчас находились в Брайтоне, имперской резиденции в Ядропаде, столице Ядра, где больше всего любил бывать ее отец. Официально имперский трон располагался в нескольких тысячах километров выше по гравитационному колодцу, на Сиане, широко раскинувшейся космической станции, которая парила над поверхностью Ядра и была видна из Ядропада, казавшись гигантской зеркальной тарелкой посреди тьмы, – вернее, была бы видна, если бы большая часть Ядропада находилась на поверхности планеты. Ядропад, как и все города Ядра, располагался в вырубленной искусственной полости внутри каменной толщи; наружу выступали лишь служебные купола и сооружения, ожидая в вечных сумерках восхода солнца, который не мог наступить на планете, обращенной к звезде одной стороной, а если бы наступил, жители Ядра тотчас же испеклись бы, словно картошка в духовке.

Аттавио Шестой терпеть не мог Сиань и никогда не задерживался там дольше необходимого. И уж точно не собирался там умирать. Домом его был Брайтон, у ворот которого столпилась тысяча, а может, и больше доброжелателей, подбадривавших его радостным пением, которое иногда сбивалось на национальный гимн или приветствие для имперской футбольной команды. Кардения знала, что всех доброжелателей тщательно проверили, прежде чем подпустить к воротам Брайтона ближе чем на километр, чтобы их мог услышать имперо. Некоторым даже не пришлось платить за то, чтобы они пришли.

– Сколько нам пришлось заплатить? – спросил Батрин.

– Почти ничего, – ответила Кардения.

– Мне пришлось заплатить всем трем тысячам человек, которые пришли порадовать на смертном одре мою мать. И притом немало.

– Ты популярнее твоей матери.

Кардения никогда не видела свою бабушку, императора Зетиана Третью, но от того, что она вычитала в исторических хрониках, вставали дыбом волосы.

– Даже камень был бы популярнее моей мамочки, – сказал Батрин. – Но не стоит обманывать себя, дитя мое. Ни один император Взаимозависимости никогда не пользовался популярностью. Это не входит в их профессиональные обязанности.

– По крайней мере, ты популярнее большинства, – предположила Кардения.

– Именно потому тебе пришлось заплатить лишь немногим из тех, кто сейчас стоит за окном.

– Если хочешь, могу их отослать.

– Они мне нисколько не мешают. Узнай только, принимают ли они заявки на песни.

Наконец Батрин снова задремал. Убедившись, что он спит, Кардения встала с кресла и вышла в личный кабинет отца, временно позаимствованный ею, – впрочем, скоро он все равно стал бы ее собственным. Покидая отцовскую спальню, Кардения увидела отряд медиков во главе с Кви Дрининым, имперским врачом: они склонились над ее отцом, чтобы умыть его, осмотреть и убедиться, что ему обеспечен лучший уход, какой только может получить страдающий от неизлечимой болезни.

В кабинете Кардению встретила Наффа Долг, недавно назначенная главой ее аппарата. Наффа молча ждала, когда Кардения откроет маленький холодильник, достанет бутылку с содовой, сядет, откроет бутылку, сделает два глотка и поставит бутылку на отцовский письменный стол.

– А подставку? – сказала Наффа, обращаясь к своей начальнице.

– Что, обязательно? – спросила Кардения.

Наффа показала на стол:

– Этот стол изначально принадлежал Турину Второму. Ему шестьсот пятьдесят лет. Подарок отца Женевьевы Н’дон, которая стала женой имперо после…

– Хватит, – подняла руку Кардения. Взяв со стола небольшой томик в кожаном переплете, она подвинула его к себе, поставила на него бутылку и только тогда обратила внимание на выражение лица Наффы. – А теперь что?

– Ничего особенного, – ответила Наффа. – Просто ваша «подставка» – первое издание «Комментариев к доктринам Рахелы» Чао, которому почти тысяча лет. Оно бесценно, и даже мысль о том, чтобы поставить на него бутылку, равна величайшему богохульству.

– О господи. – Кардения сделала еще глоток из бутылки и поставила ее на ковер рядом со столом. – Теперь ты счастлива? Разве что ковер тоже невыразимо бесценен.

– Собственно…

– Следует ли понимать так: всему, что есть в этой комнате, кроме нас двоих, многие сотни лет, оно изначально подарено кому-то из моих предков другой невероятно знаменитой исторической личностью и оно не имеет цены или, по крайней мере, стоит дороже, чем большинство людей зарабатывает за всю свою жизнь? Есть в этой комнате хоть что-нибудь, не соответствующее данному описанию?

Наффа показала на холодильник:

– Думаю, это просто холодильник, и ничего больше.

Кардения наконец нашла на столе подставку и переставила на нее бутылку с ковра.

– Этой подставке, вероятно, четыреста лет, и она подарена герцогом Края, – сказала она, взглянув на свою помощницу. – Только не говори, будто это так и есть.

– Не буду. – Наффа достала планшет.

– Но ведь знаешь?

– К вам обращаются из исполнительного комитета, – сказала Наффа, проигнорировав последнее замечание начальницы.

– Кто бы сомневался, – развела руками Кардения.

Исполнительный комитет состоял из трех представителей гильдий, трех членов парламента и трех архиепископов церкви. Некогда комитет был прямым связующим звеном между имперо и тремя центрами власти во Взаимозависимости. Сейчас же его членам предстояло обеспечить преемственность власти в последние дни правления имперо, и они слегка сводили Кардению с ума.

– Прежде всего они хотят, чтобы вы появились в сети и, как они говорят, «успокоили страхи империи» по поводу состояния вашего отца.

– Он умирает, и быстро, – сказала Кардения. – Вряд ли это кого-то успокоит.

– Думаю, они предпочли бы что-нибудь более вдохновляющее. Они прислали текст речи.

– Какой смысл внушать империи ложные надежды? К тому времени, когда моя речь доберется до Края, отца не будет в живых уже девять стандартных месяцев. Даже до Бремена – две недели пути.

– Все равно есть Ядро, Сиань и Ассоциированные нации внутри системы. До самой дальней – всего пять световых часов.

– Там уже знают, что он умирает.

– Речь не о том, что он умирает. Речь о преемственности.

– Династия Ву простирается в прошлое на тысячу лет, Наффа. Вряд ли кого-нибудь настолько беспокоит преемственность.

– Людей беспокоит не преемственность. Людей беспокоит их повседневная жизнь. Кто бы ни стал имперо, перемены неизбежны. В системе триста миллионов имперских подданных, Кардения. Вы наследница. Все знают, что династия останется прежней. Речь обо всем остальном.

– Не могу поверить, что ты на стороне исполнительного комитета.

– Даже остановившиеся часы дважды в день показывают правильное время.

– Ты читала речь?

– Читала. Она просто чудовищна.

– Будешь ее переписывать?

– Да, уже переписала.

– Что еще?

– Они хотят знать, изменили ли вы свою позицию в отношении Амита Нохамапитана.

– Какую именно позицию? Насчет того, чтобы встретиться с ним или выйти за него?

– Полагаю, они надеются, что за первым последует и второе.

– Я уже однажды встречалась с ним и именно потому не желаю встречаться снова. И уж определенно не собираюсь выходить за него.

– Исполнительный комитет – возможно, предвидя ваше нежелание – хочет напомнить вам, что ваш брат, покойный кронпринц, в принципе согласился жениться на Надаше Нохамапитан.

– Я скорее вышла бы замуж за нее, чем за ее брата.

– Предвидя ваше возражение, исполнительный комитет желает напомнить вам, что этот вариант также был бы приемлемым для всех сторон.

– За нее я тоже не собираюсь, – сказала Кардения. – Мне не нравятся они оба. Ужасные люди.

– Ужасные люди, чей дом занимает господствующее положение среди Торговых гильдий и чье желание заключить союз с домом Ву позволило бы империи получить рычаг воздействия на гильдии, которого у нее не было в течение столетий.

– Это твои слова или исполнительного комитета?

– На восемьдесят процентов – исполнительного комитета.

– И на двадцать процентов твои? – Кардения изобразила притворный ужас.

– Я на свои двадцать процентов считаю, что политические браки порой необходимы тем, кто, вроде вас, готовится стать имперо и, несмотря на поддержку тысячелетней династии, нуждается в союзниках, чтобы держать гильдии в узде.

– Хочешь сказать, будто всю последнюю тысячу лет имперо Ву были, по сути, марионетками, действовавшими в интересах гильдий?

– Я хочу напомнить, что вы назначили меня на этот пост не только благодаря личной дружбе и моему опыту в придворной политике, но и потому, что я защитила докторскую по истории династии Ву и знаю о вашей семье больше, чем вы сами, – сказала Наффа. – Но политикой я, конечно, тоже могу заниматься.

Кардения вздохнула:

– И все же нам не грозит опасность стать марионетками гильдий.

Наффа молча смотрела на начальницу.

– Ты шутишь, – проговорила Кардения.

– Дом Ву – сам по себе торговое семейство, и он обладает монополией на строительство кораблей и изготовление оружия, – продолжала Наффа. – Более того, военных контролирует имперо, а не гильдии. А значит, гильдиям или контролирующим их домам не так-то просто прибрать к рукам династию или империю. Кстати, ваш отец проявлял крайнюю мягкость в отношении торговых домов, позволив нескольким из них, включая Нохамапитанов, создать центры власти, не имевшие аналогов в последние двести лет. Естественно, мы не говорим о церкви, которая сама по себе – центр власти. И вполне можно ожидать, что все они попытаются захватить еще больше власти, рассчитывая, что вы окажетесь слабой правительницей.

– Спасибо, – сухо ответила Кардения.

– Ничего личного. Никто не ожидал, что вы унаследуете корону.

– Будто я не знаю.

– И никто не понимает, как к вам относиться.

– Не считая исполнительного комитета, который хочет выдать меня замуж.

– Они хотят сохранить возможность союза.

– Союза с ужасными людьми.

– По-настоящему приятные люди обычно не получают власти.

– Хочешь сказать, я особенная? – спросила Кардения.

– Не помню, чтобы я называла вас приятным человеком, – ответила Наффа.

– Все это не твои проблемы, – сказал Батрин Кардении, когда та вернулась в его спальню и снова села в кресло. Медики, хлопотавшие над ним, пока он спал, удалились в соседние комнаты, и отец с дочерью снова остались вдвоем, не считая набора врачебного оборудования.

– Знаю, – ответила Кардения. Разговоры на эту тему уже были, но Кардения знала, что возвращение к ним неизбежно.

– Ко всему этому готовили твоего брата, – продолжал Батрин, и Кардения кивнула, слушая его медленную речь. Реннеред Ву на самом деле был ее сводным братом – сыном супруги императора Гленны Косту, в то время как Кардения стала плодом короткой связи между императором и ее матерью Ханной, профессором древних языков. Ханна Патрик познакомилась с императором, проводя для него экскурсию по собранию редких книг в библиотеке имени Споуда университета Ядропада. Они стали переписываться на научные темы, и через несколько лет после внезапной смерти супруги император подарил Ханне Патрик сперва редкое издание «Касида аль-Бурда»[1 - «Касида аль-Бурда» («Поэма мантии») – ода в честь пророка Мухаммеда, написанная выдающимся египетским суфием аль-Бусири.], а затем, довольно скоро и к некоторому удивлению обоих, – Кардению.

Наследником уже был Реннеред, и Ханна Патрик после некоторых раздумий решила, что скорее шагнет из шлюза в космос, чем станет постоянным предметом обстановки имперского двора. Поэтому Кардения росла в достатке и неге, но вдали от атрибутов реальной власти. Кардению признали дочерью императора, и она регулярно, хоть и нечасто встречалась со своим знаменитым отцом. Иногда одноклассники дразнили ее «принцессой», но не слишком часто и не слишком жестоко: как оказалось, она действительно была принцессой, и ее отряд имперской охраны не терпел проявлений неуважения.

Ее детство и ранняя юность были настолько обычными, насколько это возможно для дочери самого могущественного человека во всей известной вселенной. Впрочем, с точки зрения самой Кардении, жизнь ее выглядела почти обыкновенной – она закончила университет Ядропада, получив степень по современной литературе и образованию, и подумывала стать профессиональным покровителем какой-нибудь гуманитарной программы для малообеспеченных.

А потом погиб Реннеред: врезался на своем ретроавтомобиле в стену во время благотворительных показательных гонок с участием настоящих гонщиков и, по сути, лишился головы. Кардения никогда не смотрела видео с места катастрофы – все-таки это был ее брат, – но читала отчет судебных экспертов. Исключив любые подозрения в умышленном нарушении правил, они, однако, отметили наличие в автомобиле систем безопасности, а также крайне малую вероятность фатального исхода, не говоря уже об обезглавливании.

Позже Кардения узнала, что во время благотворительного аукциона после гонок Реннеред должен был публично объявить о своей помолвке с Надаше Нохамапитан. Эти два события остались для нее прочно связанными между собой.

Кардения не была особо близка с Реннередом – когда она родилась, брат был подростком, и их круги общения не пересекались, – но он относился к ней по-доброму. В детстве она издали боготворила Реннереда и его разгульный образ жизни, а становясь старше и понимая, что ее почти миновало тяжкое бремя имперской славы, втайне радовалась, что у нее есть брат, готовый возложить это бремя на свои плечи. Похоже, ему это даже нравилось – намного больше, чем могло бы понравиться ей.

Теперь брата не стало, и империи внезапно потребовался новый наследник.

– Похоже, ты не слушаешь, – сказал Батрин.

– Извини, – ответила Кардения. – Я думала о Реннереде. Жаль, что его нет с нами.

– Мне тоже. Хотя, вероятно, по другим причинам.

– Я была бы рада, если бы он занял трон после тебя. Как и многие.

– Наверняка, дитя мое. Но послушай меня, Кардения: я вовсе не жалею, что наследницей стала ты.

– Спасибо.

– Я серьезно. Из Реннереда получился бы прекрасный имперо. Он в буквальном смысле родился для этого, как и я. Ты – нет. Но это не так уж и плохо.

– Думаю, ничего хорошего. Я сама не знаю, что делаю, – призналась Кардения.

– Никто из нас не знал, что мы делали, – ответил Батрин. – Разница в том, что ты это знаешь. Будь с нами Реннеред, он оказался бы таким же несведущим, но более уверенным в себе – и в итоге ударил бы в грязь лицом, как я, моя мать и

мой дед. Возможно, ты нарушишь семейную традицию. – Кардения улыбнулась, и Батрин едва заметно наклонил голову. – До сих пор не знаешь, как ко мне относиться, да?

– Нет, – призналась Кардения. – Я рада, что за последние месяцы мы смогли лучше узнать друг друга. Но… – Она развела руками. – Все остальное…

– Тебе хочется ближе узнать своего отца, – улыбнулся Батрин, – но вместо этого приходится готовиться к управлению вселенной?

– Смешно, но так и есть.

– Это я виноват. Как ты знаешь, ты родилась случайно – по крайней мере, если говорить о моем участии. – Кардения кивнула. – Все, в том числе твоя мать, советовали держать тебя подальше от двора. И я с радостью согласился с ними.

– Знаю. И я никогда тебя не винила.

– Да, не винила. Странно, правда? – сказал Батрин.

– Не понимаю, о чем ты.

– Ты в буквальном смысле принцесса, но тебе не нравилось жить, как принцесса. Думаю, большинство людей возмутились бы, оказавшись в твоем положении.

– Мне нравилось это как вариант, – пожала плечами Кардения. – Когда мне было восемь, я немного возмущалась. Но когда я стала достаточно взрослой и поняла, что значит быть принцессой, я обрадовалась, что большая часть всего этого пройдет мимо меня.

– И все же это тебя настигло.

– Да, – кивнула Кардения.

– Тебе все еще не хочется быть имперо?

– Нет, не хочется. Я бы предпочла, чтобы ты передал трон кузену, племяннику или кому-нибудь еще.

– Если бы Реннеред женился раньше и у него остался бы ребенок, это решило бы твою проблему. Но этого не случилось. И в любом случае, если бы он женился на этой Нохамапитан и у них родился наследник, она стала бы регентом. Не слишком удачная мысль – позволить ей бесконтрольно править империей.

– Ты же сам настаивал, чтобы он на ней женился.

– Политика. Как я понимаю, тебя тоже убеждают выйти замуж за ее брата.

– Да.

– Это политически выгодно.

– И ты этого хочешь?

Батрин резко закашлялся. Кардения налила стакан воды и поднесла к его губам.

– Спасибо. Нет. Надаше Нохамапитан бессердечна и жестока, но и Реннеред не был невинным младенцем. В этом смысле он напоминал мою мать. Он держал бы жену в узде и наслаждался бы этим – как и она сама. Но ты не такая, как Реннеред, и Амит Нохамапитан лишен той спасительной благодати, что есть у его сестры, а именно ума.

– Он зануда.

– Это куда короче и точнее.

– Но ты сейчас сказал, что это политически выгодный союз.

Батрин едва заметно пожал плечами:

– Да, и что с того? Ты скоро станешь имперо.

– И тогда никто не сможет указывать мне, что делать.

– Ну уж нет, – ответил Батрин. – Все станут указывать тебе, что делать. Но тебе вовсе незачем каждый раз их слушать.

– Сколько ему еще осталось? – спросила Кардения за ужином у Кви Дринина. Точнее говоря, ужинала сама Кардения в приватной столовой, роскошная обстановка которой выглядела скорее смешной, нежели чудовищной, приятно контрастируя с остальной резиденцией. Дринин ничего не ел, а лишь стоял, ожидая, когда ему дадут возможность дать отчет о состоянии умирающего. Кардения спросила, не хочет ли он поесть, но он отказался столь поспешно, что ей подумалось, будто она невольно нарушила некий имперский протокол.

– Думаю, не больше суток, мэм, – ответил Дринин. – У него фактически перестали работать почки, и хотя мы еще можем ему помочь, скоро откажет и все остальное – организм в критическом состоянии. Ваш отец понимает, что можно предпринять героические меры, но те продлят его жизнь в лучшем случае на несколько дней, и он предпочел от них отказаться. Сейчас мы лишь создаем ему необходимый покой.

– Он все еще в ясном уме, – сказала Наффа, которая тоже ничего не ела.

Кивнув, Дринин повернулся к Кардении:

– Вряд ли стоит рассчитывать, что это надолго, мэм, особенно если учесть, что в его крови продолжают накапливаться токсины. Не сочтите за дерзость, но если вы хотите сообщить отцу нечто важное, лучше сделать это раньше, чем позже.

– Спасибо, доктор, – ответила Кардения.

– Не за что, мэм. Могу я спросить, как вы себя чувствуете?

– В личном смысле или в медицинском?

– И в том и в другом, мэм. Я знаю, что вас несколько недель назад подключили к сети, и хотел бы убедиться, что обошлось без побочных эффектов.

Свободной от вилки рукой Кардения дотронулась до точки на затылке, у самого основания черепа, куда ей вживили имплант имперской нейросети. Через месяц или около того он должен был врасти в ее мозг.

– Где-то с неделю болела голова, – ответила она. – Сейчас все хорошо.

– Прекрасно, – кивнул Дринин. – Головная боль – дело обычное, но если почувствуете что-то другое, дайте мне знать, конечно же. Имплант уже должен полностью прижиться, но мало ли что.

– Спасибо, доктор, – повторила Кардения.

– Не за что, мэм, – кивнул Дринин и повернулся, собираясь уйти.

– Доктор Дринин?

– Да, мэм? – Дринин остановился и снова повернулся к ней.

– Буду рада, если после передачи власти вы и ваши подчиненные останутся на службе имперо.

– Конечно, мэм. – Дринин улыбнулся и, низко поклонившись, вышел.

– Знаете, вам незачем просить остаться весь имперский персонал, – сказала Наффа, когда за ним закрылась дверь. – Иначе весь первый месяц уйдет на это.

Кардения показала на дверь, через которую вышел доктор.

– Этому человеку предстоит осматривать меня в течение десятилетий, – сказала она. – Думаю, нет ничего плохого в том, чтобы лично попросить его остаться. – Она посмотрела на помощницу. – Как-то странно: почему ты не ешь вместе со мной, а стоишь с планшетом и чего-то ждешь?

– Подчиненные не едят вместе с имперо.

– Даже когда имперо им разрешает?

– Вы приказываете мне съесть вместе с вами ту бурду, которую вы едите?

– Никакая это не бурда – всего лишь буйабес[2 - Буйабес – рыбная похлебка с чесноком, овощами и пряностями.] из коричной рыбы. И я ничего не приказываю. Я просто говорю, что ты можешь, если хочешь, поесть вместе со своей подругой Кардением.

– Спасибо, Кар, – ответила Наффа.

– Меньше всего мне хотелось бы видеть в тебе только подчиненную. На самом деле мне нужны друзья. Друзья, которым все равно, кто я такая. Когда мы были маленькими, только тебя не волновало, что я принцесса.

– Мои родители – республиканцы, – напомнила подруге Наффа. – Если бы я относилась к тебе иначе из-за того, кем был твой отец, они бы от меня отреклись. Они и сейчас возмущаются, что я на тебя работаю.

– Кстати, напомнила: когда стану имперо, смогу дать тебе титул.

– Только попробуй, Кар, – возразила Наффа. – Иначе я никогда не смогу поехать домой в отпуск.

– «Баронесса» звучит не так уж плохо.

– Если будешь продолжать в том же духе, вылью рыбный суп тебе на голову, – предупредила Наффа. Кардения молча улыбнулась.

– Я смотрел твое видео, – сказал Батрин, проснувшись в очередной раз. Кардения отметила про себя, что Дринин был прав: силы оставляли отца, взгляд его блуждал. – То, где ты говорила обо мне.

– И что скажешь? – спросила Кардения.

– Прекрасно. Речь ведь сочинял не комитет?

– Нет.

Исполнительный комитет постоянно жаловался, что Наффа переписала текст речи, пока Кардения не сообщила им, что в нем либо будут слова Наффы, либо не будет вообще никаких. Она радовалась своей первой победе над тремя политическими силами, противостоящими имперо, хотя и не делала вида, будто после ее прихода к власти таких побед будет намного больше.

– Хорошо, – кивнул Батрин. – Ты должна принадлежать только самой себе, дочь моя. И более никому.

– Запомню.

– Обязательно. – Батрин на мгновение закрыл глаза и, казалось, задремал, но тут же снова открыл их и взглянул на Кардению. – Ты уже выбрала себе имперское имя?

– Я думала оставить свое собственное, – ответила Кардения.

– Что? Нет, – покачал головой Батрин. – Собственное имя – для твоего личного круга. Для друзей, супругов, детей, любимых. Оно тебе понадобится. Не отдавай его империи.

– Каким из твоих имен звала тебя моя мать?

– Она звала меня «Батрин». По крайней мере, достаточно долго для того, чтобы это имело значение. Как она?

– Жива и здорова.

Три года назад Ханна Патрик согласилась занять должность проректора в технологическом институте Гельфа, в десяти неделях пути от Ядра по Потоку. Известие об ухудшающемся здоровье импero, вероятно, уже дошло до нее, но о том, что ее дочь стала новым импero, ей предстояло узнать уже постфактум. Кардения знала, что мать испытывает весьма противоречивые чувства по поводу ее восхождения на трон.

– Я подумывал на ней жениться, – сказал Батрин.

– Ты мне говорил. – От матери Кардения слышала другое, но сейчас было не время заводить разговор об этом.

Импero кивнул и сменил тему:

– Могу я предложить тебе имя? В качестве имперского?

– Да, пожалуйста.

– Грейланд.

– Мне оно незнакомо, – нахмурилась Кардения.

– Когда я умру, посмотри, кто она такая. А потом приходи и поговорим.

– Да.

– Вот и ладно. Ты будешь хорошей импero, Кардения.

– Спасибо.

– Иначе и быть не может. В конце концов, империи это необходимо.

Не зная, что ответить, Кардения лишь кивнула и взяла отца за руку. Похоже он слегка удивился – и слабо сжал ее пальцы.

– Пожалуй, засну, – сказал он. – Засну, а потом ты станешь импero. Согласна?

– Вполне, – ответила Кардения.

– Ладно. – Батрин снова едва заметно сжал ее ладонь. – Прощай, Кардения, дочь моя. Жаль, что судьба не дала мне шанса любить тебя и дальше.

– Все будет хорошо, – сказала Кардения.

Батрин улыбнулся:

– Приходи повидаться.

– Да.

– Хорошо, – сказал Батрин и погрузился в сон.

Кардения сидела возле отца, ожидая, когда она станет импero. Долго ждать не пришлось.

Глава 2

Кива Лагос ожесточенно трахалась с помощником казначея, за которым ухлестывала в последние шесть недель рейса корабля под названием «Да, сэр, это моя малютка», шедшего с Ланкарана на Край, – и тут в ее каюту без приглашения ввалился второй помощник Вэйлав Бреннир.

– Я немного занята, – сказала Кива. Ей наконец удалось достичь высшего наслаждения, и она не собиралась его лишаться лишь потому, что этот долбарь (не буквально – в этом смысле он был просто чудовищен) Вэйлав решил заявиться к ней. Не так-то просто дойти до высшей точки. Люди занимаются сексом, а он является без спроса. А потому он увидел то, что увидел, по своей, а не по ее вине. Помощник казначея, похоже, слегка смутился, но Кива слегка прибавила темп, давая понять, что празднество продолжается.

– Я по важному делу.

– Кто бы сомневался.

– У нас на борту таможенный чиновник, который не позволяет вынести с корабля ни одного чепушина, – сказал Бреннир. Если его шокировало или возмутило то,

чем занималась Лагос, он тщательно это скрывал, всем своим видом выражая крайнюю скуку. – Мы прибыли на Край именно для того, чтобы выгрузить наши чепушины. Если мы не продадим их или не договоримся о лицензиях, нам крышка. Вы – представитель судовладельца и будете объяснять своей матери, почему этот рейс стал причиной финансового краха вашей семьи. Возможно, вам стоит, вместе с капитаном Блиниккой, прямо сейчас поговорить с тем таможенником и выяснить, как решить проблему. Но вы можете и дальше трахать этого юного члена команды, мэм. Уверен, на вашем будущем, а также будущем корабля и вашей семьи то и другое отразится одинаково.

– Вот дерьмо, – бросила Кива. Наслаждение миновало, и помощник казначея, ее небольшой проект, выглядел теперь довольно уныло. – Бреннир нанес впечатляющий удар тому, кто может запросто дать тебе пинка под зад.

– Можете меня уволить, мэм, – сказал Бреннир. – Для меня всегда найдется работа в гильдии. Так вы идете или нет?

– Я думаю.

– Пожалуй, я пойду, – пробормотал помощник казначея. – В смысле, можно мне идти?

Вздохнув, Кива взглянула на свое завоевание:

– Когда тебе снова на службу?

– Через три часа.

– Тогда оставайся здесь.

Выпутавшись из объятий помощника казначея, она надела на себя нечто приемлемое для внешнего мира и вышла из каюты следом за Бренниром.

«Да, сэр, это моя малютка» был «пятеркой», кораблем, размер и конструкция которого теоретически позволяли ему поддерживать за счет собственных ресурсов жизнь полностью укомплектованной команды в течение примерно пяти стандартных лет, прежде чем начнут отказывать внутренние системы

жизнеобеспечения и охваченные невообразимым ужасом члены экипажа будут судорожно жаться друг к другу в ожидании конца, как рано или поздно случается со всеми командами, затерянными в бескрайних просторах космоса, без надежды на спасение.

Однако на практике внутри Потока, текшего, словно река, посреди Взаимозависимости, человеческие поселения были отделены друг от друга не более чем девятью месяцами пути. «Пятерки», как и «десятки», их более крупные собратья, обычно имели систему жизнеобеспечения, рассчитанную на год, с прибавкой в три месяца на случай какой-либо ошибки. Остальное пространство отдавалось под груз, а в случае «Да, сэр» – под астропонные фермы: там выращивались сельскохозяйственные продукты, монопольно принадлежавшие владельцам кораблей, которые доставляли их в разные поселения.

Дом Лагос, владелец «Да, сэр», обладал монополией на цитрусовые – от корней до плодов, от фамильных ценностей вроде лимонов и апельсинов до сравнительно недавних гибридов наподобие габинов, цедрокулачков или чепушинов. Именно из-за последних прибыл на Край «Да, сэр» – продать плоды, выращенные и собранные во время полета, и договориться о лицензиях для местных сельхозпроизводителей, чтобы те выращивали их на Крае от имени семейства Лагос.

По крайней мере, таков был план. Вот только теперь придурок-таможенник пытался отправить его ко всем чертям.

Кива вошла в зал для совещаний «Да, сэр», где ждали капитан Томи Блиникка, главный казначей Гажон Магнут и какой-то унылый кусок дерьма, представлявший имперскую таможню. Кивнув Блиникке и Магнуту, Кива заняла место за столом рядом с ними. Блиникка отправил восвояси Бреннира, который, уходя, закрыл за собой дверь.

– Ладно, в чем проблема? – спросила Кива.

– Леди Кива, я инспектор Претан Ванош, помощник главы имперской таможни на Крае… – начал унылый кусок дерьма.

– Очаровательно, – прервала его Кива. – Так в чем проблема?

– Проблема в клостеровирусе, – ответил Ванош. – Это разновидность вируса…

– Моя семья обладает монополией на цитрусовые уже восемьсот лет, господин Ванош, – сказала Кива. – Мне известно, что такое клостеровирус. Мне также известно, что последний подтвержденный случай поражения клостеровирусом продаваемого или лицензируемого нами урожая имел место двести лет назад. Мы усиливаем сопротивляемость наших плодов с помощью генной инженерии.

Едва заметно улыбнувшись, Ванош протянул Киве пластиковую папку.

– Часы сброшены, леди Кива, – сказал он. – Девять месяцев назад ваш второй корабль, «Нет, сэр, это вовсе не шутка»[3 - Названия двух кораблей (в оригинале – «Yes, Sir, That’s My Baby» и «No, Sir, I Don’t Mean Maybe») представляют собой две первые строчки популярной американской песни, ставшей известной в исполнении Фрэнка Синатры. Кроме того, в честь американских песен и фильмов назван ряд других кораблей.], прибыл с грузом черенков грейпфрута, содержавших новый штамм вируса, который распространился по вашим лицензированным садам и уничтожил урожай ваших клиентов.

– Ладно, и что с того? – спросила Кива. – Если все действительно так – а я не намерена этого утверждать, пока мы сами не взглянем, что произошло, – то мы выплатим компенсацию клиентам и возместим расходы на распашку земли под новые сады. Но никакой связи с этим грузом чепушинов тут нет.

– Все не так просто, – возразил Ванош. – Вирус перекрестно совместим с рядом местных культур Края, включая бану, главный тамошний продукт питания. Чтобы остановить распространение вируса, нам пришлось поместить в карантин целые провинции. Цены на еду взлетели до небес. Народ встревожен слухами о возможном голоде. Что еще хуже, герцогу Края уже приходится подавлять мятеж. – Ванош наклонился через стол к Лагос. – Скажу прямо, леди Кива: дом Лагос много сделал, чтобы дестабилизировать обстановку на всей планете.

Кива недоверчиво уставилась на чиновника:

– Ты что, всерьез полагаешь, будто мы…

На этот раз женщину из дома Лагос прервал Ванош:

– Леди Кива, не важно, что входило в намерения вашего дома: важно то, что он совершил. В данном случае – подлил масла в огонь. Пока вопрос не решится в суде, ваши права на торговлю с Краем, боюсь, будут приостановлены.

– Мне ничего об этом не известно, – заявила Кива.

– Вся информация о вирусе имеется в докладе.

– Я не про долбаный вирус. Я про дестабилизацию, голод и прочую хрень. Нам этого не пришьешь.

– Уверяю вас, леди Кива, никто не обвиняет во всем этом вашу семью. Но вина вашей семьи достаточно велика, чтобы стать причиной приостановки прав.

– Это шантаж? – спросила Кива.

– Прошу прощения? – моргнул Ванош.

– Ты слышал, что я сказала. Это шантаж? Ты вымогаешь у нас взятку?

– Взятку?

– Да.

– Не знаю, что в нашем разговоре заставило вас предположить, будто я вымогаю у вас взятку, леди Кива.

– Да хватит тебе скромничать, мать твою, – раздраженно бросила Кива. – Будем считать, что мы все взрослые люди, и когда речь идет о деле, миндальничать ни к чему. Говори, чего ты хочешь, – она ткнула в сторону Магнута, который, судя по выражению его лица, не мог поверить в реальность всего сказанного, – а присутствующий здесь Магнут позаботится об остальном.

Ванош повернулся к Магнуту:

– И часто вам приходится давать взятки имперским таможенникам, главный казначей Магнут?

– Не отвечай, – сказал капитан Блиникка Магнуту, который явно был рад, что ему велели молчать, и повернулся к Ваношу. – Приношу свои извинения, инспектор. Представительница нашего судовладельца, по понятным причинам пребывающая в расстроенных чувствах, неудачно выбрала слова. Заверяю вас, пытаться подкупить имперских чиновников не в наших обычаях, а из слов леди Кивы вовсе не следует, что кто-то из нас считает вас продажным. Так ведь, леди Кива?

Кива одарила капитана своего корабля долгим взглядом, словно говоря: «Да ты что, шутишь, черт бы тебя побрал?», а затем, получив в ответ: «Вовсе не шучу, черт бы тебя побрал, дура ты этакая», вновь переключила свое внимание на Ваноша:

– Да, я неудачно пошутила. Прошу прощения.

– Пожалуй, карьера комика не для вас, леди Кива, – заметил Ванош.

– Спасибо за подсказку.

– Леди Кива, капитан Блиникка, похоже, у вас в любом случае сложилось впечатление, будто именно я виноват в том, что ваш товар конфискован, а торговые права приостановлены.

– А что, не так? – спросила Кива.

Ванош вновь едва заметно улыбнулся, и Лагос стало интересно, умеет ли он улыбаться как-то иначе.

– Если бы все зависело только от меня, леди Кива, я бы получил от вас взятку, а потом стал бы угрожать арестом вам троим, после чего положил бы себе в карман вторую взятку, на этот раз покрупнее.

– Так я и знала, – сказала Кива. – Долбаный изворотливый хитрюга.

Ванош коротко кивнул:

– Но в этом случае директива поступила сверху. Собственно говоря, леди Кива, запрет на ввоз ваших чепушинов и любую торговлю на Крае для вашего корабля и вашей семьи исходит от самого герцога. – Ванош протянул еще один документ, на этот раз – традиционное, сложенное вчетверо, письмо на плотном пергаменте с герцогской восковой печатью: значит, герцог Края шутить не собирался. – Вам придется решать вопрос с ним, – продолжил Ванош.

Кива взяла письмо.

– Что ж, прекрасно, мать твою растак, – сказала она.

– Воистину, – кивнул Ванош. – Могу я дать вам совет, леди Кива?

– Да?

– Герцог Края владеет большей частью планеты. Вряд ли стоит пытаться его подкупить.

На то, чтобы организовать встречу с герцогом Края, потребовались целые сутки. Порт Краепада не принимал прямые рейсы челноков с кораблей – по их словам, «некоторые были обстреляны при посадке», – так что Киве пришлось отправиться на челноке на Имперскую станцию, массивное орбитальное сооружение, где империя вела большую часть своих дел, а затем спуститься по «бобовому стеблю», основательно укрепленному для защиты от атак мятежников, в порт. Там Киву встретил местный семейный лакей, который приветствовал ее и проводил к машине.

– Что это, черт побери? – спросила Кива, увидев машину, напоминавшую небольшой танк.

– Путь к дворцу герцога лежит через довольно-таки неприятные районы, леди Кива, – ответил лакей.

– Тебе не кажется, что мы слишком бросаемся в глаза? Такое впечатление, будто над нами ярко сияет табличка «выстрели в меня».

– Мэм, в данный момент обстрелу подвергается почти все, что движется. – Лакей открыл дверцу пассажирской кабины. – Собственно, как и все, что слишком долго остается неподвижным. – Он жестом пригласил ее внутрь. Кива поняла намек.

Пассажирский салон небольшого танка, по крайней мере, выглядел достаточно роскошно. Сев, Кива пристегнулась и кивнула двум представителям семьи на Крае. Одна из них протянула Лагос руку:

– Леди Кива, я Эйота Финн, вице-президент местного представительства семьи Лагос. – Кива ответила на ее рукопожатие, и женщина показала другой рукой на третьего человека в салоне. – Это Джонан Рю, глава вашей местной юридической службы.

– Привет, – сказала Кива обоим.

– Вряд ли вы помните, но мы с вами уже встречались, – обратилась Финн к Киве. – До того как меня направили на Край, я работала у вашей матери на Икойи. Конечно, вы тогда были еще ребенком.

– Верно. Что ж, все это очень интересно, Финн, но сейчас, уж извините, мне совершенно наплевать, встречались ли вы со мной, когда мне было шесть лет. Мне нужно знать, что за хрень творится с этим запретом.

– Вы определенно пошли в мать, – улыбнулась Финн. – Она тоже с ходу брала быка за рога.

– Да уж, та еще семейка, – сказала Кива, и машина накренилась вперед. – А теперь объясняйте, что к чему.

Финн кивнула в сторону Рю:

– Прямо сейчас у нас две проблемы, леди Кива, причем взаимосвязанные. Первая – запрет на ввоз. Вторая – мятеж.

– Какое отношение к нам имеет мятеж? – нахмурилась Кива.

– Политически – никакого. Просто очередной мятеж, не более того.

– «Просто очередной»? Сколько же мятежей случается на этой долбаной планете?

– Один или два в десятилетие, – ответила Финн. – Планету не просто так назвали Краем, леди Кива. Это самое дальнее человеческое поселение во Взаимозависимости, до которого труднее всего добраться, и единственное, жители которого не имеют гарантированного права на свободу передвижения. В течение столетий оно служило свалкой для всех мятежников и диссидентов империи. Попадая сюда, они отнюдь не становятся лучше.

Словно подчеркивая ее слова, со стороны боковой панели послышался глухой удар.

– Что это было? – спросила Кива у водителя.

– Проверочный выстрел, мэм. Ничего особенного.

– В нас стреляют – и ничего особенного?

– Будь у них серьезные намерения, они бы выпустили по нам ракету.

Кива снова посмотрела на Финн:

– И такое у вас творится раз в десять лет?

– Да, один или два раза в десятилетие.

– Неужели им больше нечем заняться? Спортом, настольными играми?

– Обычно мятежники сосредоточены во внешних провинциях, – сказал Рю. – Стоит им поднять голову, как правящий герцог посылает Национальную гвардию, и за пару месяцев все заканчивается. Но сейчас все иначе.

– Эти повстанцы хорошо организованы, – заметила Финн. – И неплохо вооружены.

– Угу, я и сама уже сообразила, – кивнула Кива. – Но пока что не узнала, какое это имеет отношение к нам.

– Как я уже сказал, с политической точки зрения – никакого, – продолжал Рю. – Но борьба именно с этим мятежом обходится дорого. Деловые связи нарушены, собираемость налогов падает. Нужно где-то брать деньги.

– У нас?

– У нас, – согласился Рю.

– Не только у нас, – поправила Финн. – Герцог выжимает все возможное из доходов гильдии. Для начала – путем повышения налогов и тарифов. Он поднял их до предела, разрешенного законом империи.

– Но этого оказалось недостаточно, – сказал Рю. – И герцог начал подходить к делу творчески.

– Когда сообщили о появлении вируса в грейпфрутах, герцог заморозил банковские счета дома Лагос, – продолжила Финн. – Теоретически деньги помещены на депозит, пока продолжается юридическое определение ущерба, нанесенного Краю распространением вируса на местные культуры.

– И какое мы имеем к этому отношение? – спросила Кива.

– Возможно, никакого, – ответил Рю. – Это будет решать суд. Но если герцог сумеет доказать, что вирус внесен в экосистему Края по нашему недосмотру, по законам империи он имеет право требовать компенсаций и штрафов.

– А тем временем наши средства лежат здесь на депозите, чтобы мы не могли вернуть их на Икойи, сделав недосягаемыми для герцога, – сказала Финн.

– Но ведь на самом деле они вовсе не на депозите? – Кива показала на улицу, видневшуюся за маленьким окном из толстого пуленепробиваемого стекла. –

Герцог использует их для борьбы с мятежниками?

Рю улыбнулся, не разжимая губ, – похоже, так улыбались все на Крае.

– Собственно, когда герцог объявил чрезвычайное положение, он национализировал банки. Официально – чтобы предотвратить финансовую панику и спекулятивные сделки. Но руководители банков гильдии говорят, что он грабит счета.

– Великолепно, что уж там, – фыркнула Кива.

– Не такой уж плохой план, по крайней мере в том, что касается семьи Лагос, – заметила Финн. – Если он победит мятежников, судебные тяжбы по возмещению украденных им средств могут тянуться годами.

– А если он проиграет, тоже будет все равно: вероятно, он не останется в живых, – сказал Рю.

Кива что-то мрачно проворчала себе под нос и взглянула в окно. Мимо проплывали унылые полуразвалившиеся улицы Инвернесса, столицы Края. Вдали поднималась к небу копоть от пожаров.

– Что, в самом деле?

– Что именно? – спросила Финн.

– В самом деле проиграет?

Финн и Рю переглянулись.

– Герцога Края свергают уже не в первый раз, – заметила Финн.

– Прекрасно, но как насчет этого раза? – спросила Кива. – Мы что, лишь впустую потеряем время на разговоры с этим недоумком?

– Да, для герцога дела складываются не лучшим образом, – помолчав, сказал Рю. – До нас доходили слухи о дезертирстве в провинциях и о переходе военных командиров на другую сторону, вместе с солдатами. Вероятно, все решится в течение следующей недели.

– А как насчет тех недоумков? – Кива ткнула пальцем вверх. – Имперцев? Герцог все-таки титулованная особа, мать его растак. Вряд ли им понравится, если его просто выволокут на улицу и пристрелят.

– Это Край, госпожа Кива, – сказал Рю. – Пока Взаимозависимость получает свой процент от торговли, все остальное – внутренние дела.

– В том числе смерть герцога?

– Герцога Края свергают уже не в первый раз, – повторила Финн.

– Подъезжаем к дворцу, – сообщил водитель. – Проезд через посты охраны займет несколько минут. Могу я попросить ваше приглашение во дворец, мэм?

Кива передала документ и снова переключила внимание на подчиненных:

– Значит, мне остается только идти туда и упрашивать этого засранца, чтобы он позволил мне продать мои чепушины? А если позволит – ждать, что весь доход от продажи пойдет на так называемый депозит и я никогда его не увижу?

– По крайней мере, в ближайшие годы, – кивнула Финн. – В лучшем случае.

– Почему, мать вашу, вы этого не предвидели? – спросила Лагос у Финн, ткнув в сторону хорошо укрепленного дворца, видневшегося сквозь лобовое стекло. – Мы сидим тут и мнем сиськи, пока эта сволочь играет в «морской бой» с повстанцами на наши деньги.

– Вообще-то, я предвидела, – возразила Финн. – Именно поэтому на депоненте оказалось вдвое меньше денег, чем в тот момент, когда появились первые известия о вирусе.

– Где остальные деньги? Закопали их на заднем дворе?

– В каком-то смысле. Дом Лагос получил во владение немалую собственность – с участием многих посредников.

Кива обвела рукой вокруг:

– Надеюсь, не здесь? Этот долбаный город весь в огне.

– Нет. По большей части в провинциях Томнаурих и Клермонт. Особенно в Клермонте. Тамошнему графу не терпелось распродать свою собственность – срочно потребовались наличные.

– Кто бы сомневался. Аристократы не особо популярны во время революции.

– Да, леди Кива.

Машина снова двинулась вперед.

– Перед встречей с герцогом вам следует знать еще две вещи, – сказал Рю Киве.

– Слушаю.

Рю протянул ей лист бумаги:

– Во-первых, мы выполнили вашу просьбу и проследили путь вируса. Ничто не подтверждает заражение тех черенков грейпфрута вирусной инфекцией до того, как они оказались в садах Края. Ничего не обнаружилось ни в складских запасах, ни в образцах, которые проверялись на «Нет, сэр» перед полетом.

Кива взглянула на листок:

– Вы считаете, что это саботаж?

– Почти наверняка. Другой вопрос – удовлетворится ли суд нашими доказательствами. И тут мы переходим ко второму. У герцога есть советник, член одного из домов гильдий. И вряд ли вам понравится, когда вы узнаете, какого именно.

Кива подняла взгляд:

– Говорите, мать вашу.

– Нохамапитан.

Замок герцога назывался Кинмайлиз. Чрезмерная роскошь свидетельствовала о том, что обитатели замка путают излишество с изяществом. Киве, происходившей из невероятно богатого рода, представителям которого было полностью наплевать, впечатляет кого-нибудь их богатство или нет, стало несколько не по себе, едва она оказалась в стенах замка. «Очищение огнем ему бы точно не помешало, мать его растак», – подумала она, пока ее вели по нескончаемой веренице коридоров к кабинету герцога Края.

– Еще одно, – сказала Финн Киве, когда к ним вышел паж, чтобы препроводить гостью к герцогу. – Герцог считает сквернословие признаком недостаточного ума. Постарайтесь по возможности не выражаться в его присутствии.

«Вот ведь засранец», – подумала она, входя в кабинет герцога, разукрашенный так же тошнотворно, как и весь остальной дворец. По семейной легенде, первыми словами, которые Кива произнесла во младенчестве, были «Твою мать!» – что вполне могло быть правдой, учитывая пристрастие к ругательствам графини Хьюмы Лагос, матери Кивы и главы дома Лагос. Честно говоря, скорее удивило бы обратное. Сколько Кива помнила себя, она всегда ругалась, и, естественно, дочери графини Лагос, пусть даже шестому ребенку без шансов на титул, никто не мог этого запретить.

А теперь у какого-то придурка свербит из-за этого в заднице.

Вышеупомянутый придурок с неприятными ощущениями в заднем проходе стоял возле барной стойки у себя в кабинете, держа в руке бокал с янтарной жидкостью, и смеялся. Он был высокого роста, а в бороде его могли бы свить гнездо птицы. Рядом с ним, тоже с бокалом в руке и тоже смеясь, стоял, одетый в претенциозный фамильный костюм черного цвета, не кто иной, как Грени Нохамапитан.

Паж откашлялся, и герцог поднял взгляд.

– Леди Кива Лагос, – доложил паж и вышел.

– Дорогая моя леди Кива! – проговорил герцог Края, отходя от бара. – Добро пожаловать. Прошу.

– Здравствуйте, ваша светлость, – слегка кивнув, сказала Кива. Будучи дочерью главы семейства и верховным представителем дома на планете, Лагос могла обращаться к нему просто «герцог», но она пришла целовать ему задницу, и ничто не мешало заранее сложить губы бантиком.

– Позвольте представить вам моего советника лорда Грени из дома Нохамапитан.

– Мы знакомы, – сказал Грени герцогу.

– Что, правда?

– Вместе учились, – пояснил Грени.

– До чего тесен мир, – заметил герцог.

– Да уж, – ответила Кива.

– Что ж, садитесь, леди Кива. – Герцог показал на стоявшее слева от его стола кресло. Лагос опустилась на пухлое чудовищное сооружение и едва не провалилась в него, а Грени расположился в кресле справа от нее. Герцог уселся в свою охренительную пародию на кресло, за стол, из которого бедная семья могла бы соорудить себе жилище. – Сожалею, что мы встречаемся не при лучших обстоятельствах.

– Понимаю, сэр. Когда повстанцы почти стучатся в ваши двери, хорошего мало.

– Что? – переспросил герцог, и Кива заметила, как губы Грени дернулись в мимолетной улыбке. – Нет, я не об этом. Я о проблемах с вирусом, который притащил к нам ваш дом.

– Воистину, – кивнула Кива. – Вы уверены, что именно мы его занесли, сэр?

– В смысле?

– В том смысле, что наши исследователи не обнаружили его ни в одном образце на наших складах или на «Нет, сэр». Он появился только в садах.

– Для нас это новость, – сказал Грени.

– В самом деле? – Кива пристально посмотрела на него. – Что ж, на этот случай мои представители составили отчет. – Она взглянула на герцога. – Документ зарегистрирован у вашего секретаря, вместе с уведомлением о нашей просьбе снять запрет на торговлю.

– Вряд ли разумно снимать запрет, – сказал Грени. – При всем уважении к твоим представителям и их исследователям, Кива, до тщательного изучения всех результатов, ради безопасности граждан Края, герцог вынужден исходить из предположения, что любой перевозимый вами продукт точно так же заражен.

– Боюсь, ваш друг прав, – обратился герцог к Киве. – Вы слышали о том, как вирус перебрался на наши поля бану, уничтожив урожай в целых регионах. Мы не можем больше рисковать. Одной из причин мятежа стал неурожай бану.

– Понимаю вашу озабоченность, сэр. Именно поэтому дом Лагос желает оказать вам помощь.

Герцог, прищурившись, посмотрел на Киву:

– Что вы имеете в виду?

– Насколько я понимаю, вы заморозили наши счета, ожидая решения суда по поводу вируса?

Кива заметила, как герцог бросил быстрый взгляд на Грени.

– Да, именно так. И считаю, что поступил весьма благоразумно.

– Позвольте мне официально предложить вам эти деньги в качестве ссуды от дома Лагос, выданной на подавление мятежа. Мы рады предоставить самые лучшие условия.

– Гм… весьма щедро с вашей стороны, – сказал герцог.

– Всего лишь бизнес, – ответила Кива. – Для дома Лагос не будет никакой пользы, если вас лишат власти, сэр. К тому же у вас появляется доступ к средствам, которого вы иначе не имели бы. Какой смысл этим деньгам лежать без дела? Найдите им применение.

– Боюсь, это не так просто, – заметил Грени.

– На самом деле все очень просто, – возразила Кива. – Мы можем поставить условием, что, если дом Лагос находят виновным, ссуда равна сумме возмещения ущерба, а остаток и проценты засчитываются как штрафы.

– Вопрос не в юридических тонкостях, вопрос в том, как это будет воспринято, – сказал Грени.

– Разве может быть плохо воспринят тот факт, что герцог, не жалея средств, защищает свой народ? Или лучше пусть герцога свергнут из-за того, что он чересчур озабочен тем, как воспримут его действия?

Грени повернулся к герцогу:

– Сэр, это похоже на взятку.

– Взятку? За что? – воскликнула Кива.

– В этом-то и вопрос, – заметил Грени.

– Леди Кива, чего вы ожидаете в обмен на подобную щедрость со стороны дома Лагос? – спросил герцог.

– Опять-таки, при всем к вам уважении, сэр, это вовсе не щедрость. Если суд закончится в нашу пользу, дом Лагос рассчитывает получить ссуду назад. Всего лишь бизнес.

– Но вам ведь нужно что-то еще? – спросил Грени.

– Конечно. Я хочу иметь возможность продавать сра… – Кива спохватилась в последний момент, – с радостью мои благословенные чепушины, сэр. И тогда деньги, которые мы заработаем на продаже и лицензиях, не улетят вместе с нами на «Да, сэр». Они останутся здесь, у вас, как часть ссуды.

– Вместе со всеми новыми вирусами, которые могут оказаться в ваших плодах, – сказал Грени.

Кива посмотрела на герцога:

– Сэр, на Имперской станции есть инспекторы, которые выборочно проверяют наш груз. Я с радостью позволю им тщательно обследовать чепушины, чтобы гарантировать, что они чисты и ничем не угрожают биосфере Края.

Герцог Края изобразил задумчивость, но затем бросил пристальный взгляд на Грени, который покачал головой, продолжая бесстрастно сидеть в кресле.

– Леди Кива, благодарю за ваше предложение и вашу заботу. Но я сомневаюсь в необходимости подобных мер. Я считаю, что мятеж будет подавлен в ближайшее время, и поэтому ваше предложение просто без надобности. Что касается ваших чепушинов – пока мы не найдем время для тщательного изучения вашего отчета, я склоняюсь к тому, чтобы соблюдать осторожность. Боюсь, я не смогу снять запрет на вашу торговлю до завершения суда. Уверен, вы меня поймете.

– Хрена с два, – бросила Кива и встала.

– Прошу прощения? – переспросил герцог, поднимаясь с кресла. Грени тоже встал.

– Спасибо, что потратили на меня время, сэр. Не могли бы вы позвать пажа, чтобы он вывел меня из этого долбаного лабиринта?

– Позвольте, я сам провожу леди Киву, сэр, – учтиво предложил Грени.

– Да, конечно. – Герцог кивнул обоим на прощание и снова направился к бару.

– Ну что, здорово, хрен моржовый, – сказала Кива Грени, едва они вышли из кабинета.

– И я тоже рад тебя видеть, – ответил Грени.

– Попомни мое слово: если выяснится, что за этим долбаным вирусом стоишь ты или дом Нохамапитан, я вернусь на Край специально, чтобы сожрать твое долбаное сердце.

– Само собой. Всегда жду тебя в гости.

– Так как – да или нет?

– Ты про то, имею ли я отношение к вирусу?

– Да.

– Нет, конечно же. Но даже если бы я был тут замешан, вряд ли я стал бы тебе об этом рассказывать. Надеюсь, тебе хватает ума это понять.

– Ты мог бы избавить меня от лишнего путешествия.

– Да и вообще, зачем мне это?

– Ты нисколько не изменился, Грени.

– Не стоит так уж плохо о нем думать. – Грени показал в сторону кабинета герцога. – Ты почти убедила его согласиться на твое предложение о ссуде. Кстати, довольно умно: любая ссуда, которую глава дома гильдии предлагает

титулованной особе для защиты имперской системы, находит поддержку со стороны самой империи. Отличный способ прикрыть задницу.

– Вот только ты все испортил.

– Я думал, ты успела к этому привыкнуть.

– Будто я не заметила, – фыркнула Кива. – «Мы вместе учились», блин.

– Куда вежливее, чем выразилась бы ты: «Я трахалась с ним до посинения каждый раз, когда он приходил к своей сестре в университетское общежитие».

– Ну, так говорить я бы не стала, – возразила Кива. – Мне запретили ругаться. Кстати, как твоя дуреха-сестренка?

– В тоске и печали. Собиралась стать кронпринцессой империи, но Реннеред Ву во время гонок остался без головы.

– Да уж, для нее это и впрямь трагедия.

– Вот и она так считает. Для Реннереда, конечно, тоже ничего хорошего. Как я понимаю, наследницей теперь стала внебрачная дочь имперо. Полагаю, мой братец начнет подкатываться к ней.

– Незабываемая семья Нохамапитан. Сплошная романтика.

– В свое время ты не жаловалась.

Кива остановилась и посмотрела на Грени:

– Когда-то я была долбаной идиоткой. Теперь – нет.

– Первый случай в семье Лагос, – заметил Грени.

– И как ты разводишь этого засранца-герцога?

– Во-первых, его зовут Ферд, а не «засранец». Во-вторых, ты меня обижаешь, считая, будто я его развожу.

– Ты убедил его отказаться от многомиллионной взятки.

– Вот видишь, я же говорил, что это взятка. Я был прав.

– Никто не откажется от такого, если только другой не предложит больше.

– Вряд ли я могу что-то сказать по этому поводу, Кива. Тебе уж точно.

– Да брось, Грени. Речь вовсе не о вирусе. И мы на долбаном Крае. Я буду девять месяцев добираться до Ядра и еще три – оттуда до Икойи. Что бы ты мне ни рассказал, к тому времени оно никому не будет интересно.

Оглядевшись вокруг, Грени зашагал дальше. Кива нагнала его:

– Расскажи. Расскажи, что вы приготовили для Края.

– Первая твоя ошибка, Кива, вот в чем: ты полагаешь, будто все, чем я тут занимаюсь, имеет отношение лишь к этой планете.

– Не поняла.

– Знаю. Я и не рассчитывал, что поймешь. – Грени снова остановился и показал вперед. – Иди по этому коридору, потом сверни во второй слева, а затем в первый справа. Окажешься в той же самой приемной, откуда пришла.

– Ты ведь из тех, кто никогда не доводил дело до конца, верно, Грени? – покачала головой Кива.

– Возможно, ты удивишься. – Наклонившись, он легко поцеловал Киву в щеку. – До свиданья, дорогая моя Кива. Знаешь, я даже не ожидал, что снова тебя увижу, – Край редко посещают важные персоны. И вряд ли мы увидимся еще раз. Но, несмотря ни на что, я питаю к тебе нежные чувства. Поэтому я рад, что у нас нашлось время для этого.

– Для чего?

– Скоро узнаешь, – улыбнулся он и зашагал прочь.

– Выкладывайте, – велела Кива капитану Блиникке и Гажону Магнуту, вернувшись на «Да, сэр».

– Мы рассчитывали получить на Крае около шестидесяти миллионов марок в виде лицензионных выплат и роялти, – сказал Магнут. – Но нам предстоит улететь с пустыми руками: все деньги на депозите, вероятно, нам их не забрать. По нашим оценкам, мы могли бы выручить двадцать миллионов марок за привезенные чепушины и еще десять миллионов в виде первоначальных лицензионных платежей и средств от продажи акций. Но и тут мы ничего не получаем. Еще примерно десять миллионов марок стоят грузы, взятые во время других остановок, которые нам не разрешают выгрузить и продать: тут тоже полный ноль. Часть груза для Края, примерно на миллион марок, нам разрешили выгрузить, но его поместили на несколько недель в карантин, в хранилище, где гуляет космический вакуум. Когда его доставят заказчику, нас уже не будет здесь, и с оплатой придется подождать до прибытия следующего корабля семьи Лагос. Как я понимаю, это «Похоже, мы теперь одни», который появится через двадцать стандартных месяцев.

– Значит, мы потеряли сто миллионов марок, – подытожила Кива.

– Во время последних трех остановок мы получили сорок миллионов чистого дохода, так что потери составляют примерно шестьдесят миллионов. И эта остановка – последняя в нашем рейсе. Потом обратно на Ядро и перелет до Икойи.

Лагос кивнула. Поток позволял добраться до Края несколькими путями, но назад можно было вернуться лишь одним – по течению Потока, от Края до Ядра. Рано или поздно все течения сливались в Ядре. Но это означало, что других шансов возместить потери между Краем и Ядром не оставалось.

– Предлагайте идеи, – сказала Кива. – Томи?

– Весь смысл был в том, чтобы завезти чепушины на Край, – ответил капитан. – В других местах Взаимозависимости их уже полно. Мы можем собрать те плоды, что у нас есть, – собственно, так и придется сделать – и после вакуумного обезвоживания продать концентрат на Ядре. Но у вашей семьи там уже есть лицензиаты, и если мы будем продавать товар по сниженной цене, они могут пожаловаться в имперскую торговую комиссию.

– Капитан прав, – кивнул Магнут. – И даже если мы уравняем цены, возникнет избыток продукции. Мы заработаем в лучшем случае несколько миллионов марок, а лицензиаты дома Лагос лишатся долгосрочных прибылей.

– Ты хочешь сказать, что мы в полной заднице?

– По сути, да, мэм.

Кива обхватила голову руками, задумавшись на несколько секунд, а затем посмотрела на Блиникку:

– Когда мы улетаем с Края?

– Пока мы на Имперской станции, корабль проходит техническое обслуживание, а Гажон набирает дополнительную команду вместо тех, кого мы потеряли на Ланкаране. Мы пробудем здесь еще неделю.

– Можно ли задержаться?

– Вряд ли, – ответил Блиникка. – Причал, у которого мы стоим, через девять дней будет занят. Имперской станции потребуются сутки на таможенную очистку груза и приведение причала в исходное состояние. У нас есть семь дней, а потом мы должны улетать.

– Значит, семь дней.

– Семь дней на что? – спросил Магнут.

– На то, чтобы случилось долбаное чудо, которое спасет наши задницы, – сказала Кива. – Не так уж много, я думаю.

Глава 3

Формально Кардения стала новой имперо с момента смерти имперо Аттавио Шестого. В реальности же все было намного сложнее.

– Тебе придется объявить официальный траур, – сказала Наффа Долг Кардении в кабинете, который внезапно и официально стал ее собственным. Прошло лишь несколько мгновений с тех пор, как умер ее отец; тело его сейчас забирали из спальни – отныне ее спальни – на носилках, где в свое время лежали тела почти всех имперо, которым повезло умереть у себя дома. Кардения видела эти носилки, хранившиеся в другой комнате, и мрачно подумала, что однажды, скорее всего, на них вынесут и ее кости. У любой традиции есть оборотная сторона.

Мысль об этом вызвала у нее невольный смех.

– Кар? – спросила Наффа.

– Так, подумалось о мрачном, – ответила Кардения.

– Могу оставить тебя одну на пару минут.

– Но только на пару.

– Во время передачи власти у имперо нет ни одной свободной минуты, – мягко проговорила Наффа.

– Как долго длится официальный траур?

– По традиции – пять стандартных дней.

– Вся остальная Взаимозависимость получит пять свободных дней, – кивнула Кардения, – а я только пять минут.

– Я вернусь. – Наффа встала.

– Нет, – покачала головой Кардения. – Лучше займи меня делом, Наф.

И Наффа заняла ее делом.

Сперва – официальное объявление траура. Кардения направилась по коридору в кабинет Гелла Денга, личного секретаря ее отца (а теперь, если она не решит иначе, и ее собственного), который должен был передать распоряжение. Кардения беспокоилась, что ей придется диктовать некий официальный текст, но у Денга уже был готов документ, что нисколько ее не удивило. За время существования Взаимозависимости сменилось немало имперо.

Кардения прочитала документ, содержание которого было освящено временем и традицией. Язык казался окостеневшим и заплесневелым, но на то, чтобы внести исправления, ей не хватало душевных сил. Она лишь согласно кивнула и взяла перо, чтобы поставить подпись, но заколебалась.

– Что такое, ваше величество? – спросил Денг, и Кардения невольно отметила про себя, что к ней впервые обратились настолько официально.

– Не знаю, как подписать, – ответила Кардения. – Я еще не выбрала себе официальное имя.

– Если хотите, можете пока просто скрепить имперской печатью.

– Да, спасибо.

Денг достал воск и печать, расплавил воск, а печать протянул Кардении. Та вдавила печать, и на зеленом воске появился герб семьи Ву с имперской короной над ним – ее короной.

Возвращая печать Денгу, Кардения вдруг заметила, что он плачет.

– Теперь все официально, – сказал он. – Вы теперь имперо, ваше величество.

– Как долго вы служили моему отцу? – спросила Кардения.

– Тридцать девять лет, – ответил Денг, и ей показалось, будто он сейчас лишится чувств. Кардения машинально наклонилась и обняла его, но тут же отпустила.

– Простите, – пробормотала она. – Мне не следовало так поступать.

– Вы имперо, мэм, – сказал Денг. – Вы можете делать все, что пожелаете.

– Избавь меня от ненужной фамильярности, пожалуйста, – попросила Кардения Наффу, когда они вышли из кабинета секретаря.

– Мне показалось, было очень мило, – ответила Наффа. – Бедный старик. Тяжелый день для него.

– Умер его начальник.

– Да, но еще он считает, что потерял работу. Обычно к этому времени близкие друзья нового имперо уже занимают высокие посты. Формально у него тоже высокий пост.

– У меня нет близких друзей, – возразила Кардения. – Я имею в виду, кроме тебя.

– Не беспокойся, желающие найдутся.

– Что мне делать дальше?

– Через полчаса у тебя встреча с исполнительным комитетом.

– Так быстро нам до Сианя не добраться, – нахмурилась Кардения. Исполнительный комитет, как и почти весь имперский государственный аппарат, работал на огромной космической станции над Ядром.

Наффа удивленно подняла брови.

– Тебе не придется никуда лететь, – сказала она. – Ты теперь импero. Они сами к тебе придут. Несколько часов назад доктор Дринин сообщил им, что твой отец

умирает, и комитет выразил сожаление, что не может быть рядом и утешить тебя. Кстати, это их слова.

Кардения представила девятерых членов исполнительного комитета, нависших над смертным одром ее отца, чтобы лишить их обоих последних мгновений наедине, и с трудом подавила дрожь.

– Надо не забыть их поблагодарить.

Наффа снова удивленно подняла брови, но комментировать не стала.

– Сейчас они в танцевальном зале, в другом конце здания.

– Спасибо.

– Не за что. Какие у тебя сейчас планы?

– Думаю, что я хочу отлить.

Кивнув, Наффа проводила Кардению в ее покои.

– Вернусь через пятнадцать минут, – сказала она.

– А ты чем займешься в свободное время?

– Тем же самым, только не в такой роскошной обстановке.

Кардения улыбнулась, и Наффа вышла.

Оказавшись в своих покоях, Кардения вдруг поняла, что она все делает впервые. «Я впервые присутствую в этой комнате как импero, – подумала она. – Впервые беру в руки планшет как импero, впервые захожу в ванную как импero, впервые расстегиваю штаны как импero, впервые сажусь на унитаз как импero… а вот я впервые помочилась как импero».

Слишком многое делается впервые.

– Расскажи мне об империо Грейланд, – обратилась Кардения к планшету, сидя на унитазе.

– Империо Грейланд правила с двести двадцатого по двести двадцать третий год от основания империи, – приятным голосом произнес планшет, открывая поисковую страницу. Календарь Взаимозависимости начинался с основания империи пророчицей-империо Рахелой Первой, что выглядело довольно-таки заносчиво: в то время уже существовала неплохая календарная система, согласно которой Взаимозависимость была основана в конце двадцать шестого столетия. Но Кардения подозревала, что так поступила бы любая империя, будь у нее возможность. – Среди заметных событий ее правления – основание Лампхуна, исчезновение Даласислы и убийство империо Гуннаром Олафсеном в двести двадцать третьем году.

– Почему ее убили?

– На суде Гуннар Олафсен утверждал, что империо приложила недостаточно сил для спасения жителей Даласислы.

– Это правда?

– Я – поисковая машина. У меня нет своего мнения по политическим вопросам.

Кардения раздраженно закатила глаза.

«Что ж, прекрасно, тупой компьютер», – подумала она.

– Что случилось с Даласислой?

– В двести двадцать втором году исчезло течение, связывавшее ее с Потоком, – ответил планшет.

«Ну да, конечно», – подумала Кардения, вспоминая уроки по истории Взаимозависимости в начальной школе. Даласисла была одним из ранних поселений, которые плохо кончили еще до того, как империо Ву, а также религиозные и общественные догматы Взаимозависимости почти полностью расправились с оппозицией. Большинство поселений стали жертвой войны,

голода или эпидемий. Даласисла погибла потому, что внезапно пропала возможность добраться до нее или выбраться с нее через Поток. Она просто… исчезла с карты, совсем исчезла.

Кардения вызвала статью из энциклопедии об убийстве имперо, вместе с фото Олафсена, корабельного инженера с Даласислы, который находился на «Тоуне Сандине», имперской «десятке». Он убил имперо Грейланд вместе с сотней человек из свиты, отсоединив от корабля кольцевой сегмент, где находились ее каюты. «Тоун Сандин» пребывал в Потоке, возвращаясь после государственного визита с Джендубы, и Олафсен выбросил сегмент из окружавшего корабль пространственно-временного пузыря в сам Поток, где тот быстро перестал существовать.

«Весело, ничего не скажешь», – подумала Кардения. Она не очень понимала, почему отец предложил ей выбрать имя Грейланд – разве что в уверенности, что ее убьет кто-нибудь из недовольных подданных. При мысли об этом ей стало слегка не по себе. Пробежав глазами остальную часть статьи, она отметила, что Грейланд, судя по всему, объявила эвакуацию Даласислы на основе данных, предоставленных учеными, но против эвакуации высказались в парламенте, в том числе представители самой Даласислы, а также в гильдиях, которые откладывали эвакуацию, пока не стало слишком поздно. Олафсен обвинял в задержке имперо, а винить следовало других.

«Но имперо только одна, – подумала Кардения. – И она находилась на его корабле».

– Эй! – послышался из другой комнаты голос Наффы. – Ты закончила?

– Почти, – ответила Кардения. Завершив свои дела, она умылась и вышла из ванной. Наффа держала в руках Очень Серьезную Форменную Одежду, скроенную по мерке Кардении.

– Что это? – спросила Кардения.

– Тебе предстоит встреча с девятью самыми могущественными людьми во вселенной, не считая тебя самой, – сказала Наффа. – Не мешает приодеться.

Очень Серьезная Форменная Одежда доставляла немало неудобств, но все же меньше, чем общение с исполнительным комитетом. Когда Кардения вошла в пещерообразный танцевальный зал, девять членов комитета направились к ней, низко кланяясь.

– Ваше величество, – сказала, замерев в поклоне, Гунда Корбейн, архиепископ Сианя и формальная председательница комитета, – выражаем наши глубочайшие соболезнования и сочувствие в связи с сегодняшней кончиной имперо, вашего отца. Несомненно, на том свете он займет место рядом с пророчицей.

Кардения, прекрасно знавшая, что ее отец не отличался религиозностью, хотя и официально возглавлял церковь Взаимозависимости, с трудом подавила кривую усмешку.

– Спасибо, ваше преосвященство.

– От имени всего совета выражаю нашу бескрайнюю преданность лично вам, имперскому дому Ву и Взаимозависимости.

– Мы благодарим вас.

Кардения впервые использовала имперское «мы» и чуть более формальный имперский стиль обращения, которому ее учили весь последний год. «Придется привыкать», – подумала она, бросив взгляд на невозмутимо стоявшую Наффу. Конечно же, потом та удивленно поднимет брови.

Все девятеро застыли в глубоком поклоне, что привело Кардению в некоторое замешательство, пока до нее не дошло: они ждут, когда им предложат выпрямиться.

– Прошу вас, – почти не растерявшись, сказала она и знаком предложила им подняться, а затем показала на стоявший в центре зала длинный стол: – Давайте сядем и займемся делом.

Комитет расположился за столом. Самые старшие члены сели ближе всего к имперо, восседавшей во главе стола, за исключением архиепископа Корбейн,

которая выбрала место напротив Кардении. Кардения взглянула на их одежды – роскошные красные мантии с пурпурной подкладкой у епископов церкви, черные с золотом официальные одеяния представителей гильдий, мрачно-синие деловые костюмы парламентариев. Ее собственная Очень Серьезная Форменная Одежда была имперского темно-зеленого цвета, с изумрудным кантом.

«Мы похожи на коробку цветных карандашей», – подумала Кардения.

– Вы улыбаетесь, ваше величество, – заметила, садясь, архиепископ Корбейн.

– Мы вспоминаем нашего отца, который часто говорил о встрече с комитетом.

– Надеюсь, он хорошо о нас отзывался.

«Вообще-то, не совсем».

– Да, конечно.

– Ваше величество, следующие несколько дней станут решающими. Вы должны объявить траур…

– Мы уже сделали это, ваше преосвященство. Мы соблюдем традиционные пять дней.

– Прекрасно, – ответила Корбейн, нисколько не растерявшись от того, что ее прервали. – Увы, в это время вы будете крайне заняты. – Она кивнула в сторону Вира, епископа Ядра, сидевшего справа от Кардении. Достав кожаную папку, тот извлек из нее толстую пачку бумаг и протянул их Кардении. – Чтобы помочь вам, мы составили для вас предполагаемый график. Он включает ряд совещаний, а также официальные и неофициальные встречи с представителями гильдий, парламента и церкви.

Кардения взяла бумаги и, даже не взглянув на них, передала пачку стоявшей позади ее кресла Наффе:

– Благодарим вас.

– Хотим вас заверить, что в течение переходного периода все вопросы будут решаться беспрепятственно, с должным вниманием и уважением. Мы понимаем, что вам сейчас нелегко, многое для вас внове. Нам хотелось бы помочь вам вжиться в новую роль, ваше величество.

«Помочь вжиться в новую роль или попросту управлять мною?»

– Еще раз благодарим вас, архиепископ. Мы тронуты вашей заботой и вниманием.

– Есть и другие проблемы, – сказал Ленн Эдмунк, один из представителей гильдий. Дом Эдмунк обладал торговой монополией на коров и свиней, а также на всю производную продукцию, от молока до свиной кожи. – Ваш отец оставил нерешенными ряд вопросов, включая передачу монополий и допуск к торговым путям.

Кардения заметила, как поморщилась архиепископ Корбейн; Эдмунк явно высказался невпопад.

– Насколько мы понимаем, эти вопросы следует направить в парламент, и лишь затем мы дадим согласие или ответим отказом.

– Ваш отец заверил, что они будут рассмотрены, ваше величество.

– Путем обхода полномочий парламента, лорд Эдмунк?

– Конечно нет, мэм, – помолчав, ответил тот.

– Рады слышать. В данных обстоятельствах нам очень не хотелось создавать у членов парламента впечатление, будто они играют лишь роль советников, потакая любым капризам имперо. – Она повернулась к Упекше Ранатунге, высокопоставленному парламентарию из комитета; та благодарно кивнула. – Наш отец верил в баланс власти, позволявший преуспевать Взаимозависимости: парламент – для законов и справедливости, гильдии – для торговли и процветания, церковь – для духовности и общности. Над ними стоит импero, Мать всего сущего, – для порядка.

– И все же, мэм…

– Не забывайте, что дом Ву имеет собственную гильдию, – прервала Кардения Эдмунка, явно пребывавшего в замешательстве. – Поэтому мы не намерены сбрасывать со счетов интересы гильдий. Мы также являемся матерью церкви и простым членом парламента. Наши интересы лежат во всех областях, и мы честны со всеми. Мы обратимся к проблемам гильдий в свое время, лорд Эдмунк. Но мы – не наш отец. Его заверения не останутся неуслышанными, но меня они ни к чему не обязывают. Теперь импero – я, а не мой отец.

«Вот так-то, – подумала Кардения, бесстрастно глядя на Эдмунка. – Получил? Теперь поразмысли на досуге».

– Мэм, – проговорил Эдмунк, низко склонив голову.

– Что касается парламента, мэм, есть еще один вопрос, куда серьезнее, – сказала Ранатунга. – До нас дошло известие, что мятеж на Крае перешел в новую, более опасную фазу. Герцог Края заверяет, что все под контролем, но тамошний командир частей Имперской морской пехоты оценивает ситуацию не столь оптимистично. Он ожидает падения герцога в течение двух стандартных лет. Естественно, сообщение об этом было отправлено девять месяцев назад, и кто знает, что творится там сейчас?

– Наши морпехи вмешались?

– Ваш отец, как и несколько импero до него, считал, что Край должен справляться сам. Основная цель пребывания там морпехов – не позволять никому покинуть планету без разрешения. Командир сообщает, что единственная задача, поставленная перед ним импero – предыдущим импero, – заключалась в том, чтобы обеспечивать безопасность графа Клермонта.

– Кто это?

– Я его помню, мэм, – сказала Корбейн. – Мелкий аристократ с Софалы, которому пожаловал титул ваш отец. Друг вашего отца по университету. Физик, изучавший Поток.

– Почему наш отец отправил его в ссылку?

– Ваш отец наделил его титулом незадолго до своей женитьбы на леди Гленне.

«Не слишком тонкий намек», – подумала Кардения. Архиепископ почти открытым текстом утверждала, будто у Батрина был роман с этим графом до того, как он женился, вступив в типичный династический брак: дом Косту возглавлял одну из самых могущественных гильдий.

Кардения слегка удивилась – насколько она знала отца, у того были только гетеросексуальные связи. Но время и место могли найтись для чего угодно, тем более если место это называлось «университет», и в любом случае граф, видимо, оказался не первым малоподходящим предметом любви, который имперо убрал с глаз подальше, дав ему следующий титул. Этим также объяснялась поставленная перед морпехами задача.

– Пока что будем придерживаться позиции нашего отца, – понимающе кивнула Кардения, – но нам потребуется провести совещание на эту тему.

– Оно есть в предложенном вам графике, – сказала Корбейн. – И раз уж зашла речь о браке, пусть даже косвенно…

– Вы про Амита Нохамапитана? – уже не столь официальным тоном спросила Кардения.

– Нохамапитаны настаивают на своем, – чуть ли не извиняясь, ответила Корбейн.

– Мы – не наш брат. Мы никому не обещали выйти замуж за одного из Нохамапитанов.

– При всем к вам уважении, мэм, дом Нохамапитан считает, что договор заключен не между вашим братом и леди Надаше, но между домом Ву и домом Нохамапитан. При этом имеется прецедент, подтверждающий справедливость их слов. В пятьсот двенадцатом году кронпринцесса Давина была помолвлена с членом дома Эдмунк, но умерла до свадьбы. Ее брат, впоследствии – Чонлинь Первый, женился на двоюродной сестре ее несостоявшегося жениха, поскольку договор уже вступил в силу.

Кардения перевела взгляд на Наффу:

– Отчего умерла кронпринцесса Давина?

– Самоубийство, ваше величество, – ответила Наффа. Кардения знала, что либо информация известна Наффе, либо та мгновенно ее найдет. – Вышла из шлюза на Сиане. Судя по предсмертной записке, она решила, что помолвка не отвечает ее насущным интересам.

Кардения повернулась к Ленну Эдмунку:

– Надеемся, вы не сочли, будто все вышесказанное выставляет вас в негативном свете, лорд Эдмунк.

– Спасибо, мэм.

– Мэм, могу я предложить вам хотя бы рассмотреть возможность помолвки с Амитом Нохамапитаном? – настаивала Корбейн. – Даже если не брать теоретически существующие соглашения между нашими домами, дом Нохамапитан обладает немалой властью среди гильдий. – Корбейн бросила взгляд на Эдмунка, который этого даже не заметил, поскольку смотрел на имперо. – Такой союз мог бы в короткий срок решить многие потенциальные проблемы и вопросы с гильдиями.

– И ни один дом не возражает против подобного бракосочетания? – мрачно улыбнулась Кардения.

– Нет, мэм, – ответил Эдмунк.

– Что ж, – восхищенно проговорила Кардения, – редкий случай единогласия среди гильдий. За последнюю тысячу лет такого почти не случалось.

– Полагаю, все согласны, что в интересах Взаимозависимости следует уладить все вопросы с престолонаследием, и лучше раньше, чем позже, – сказала Корбейн.

Кардения с трудом сдержала злость:

– Мы рады слышать, архиепископ, что комитет единогласно полагает нашу утробу самой важной нашей частью.

Корбейн хватило приличия покраснеть в ответ.

– Мои извинения, ваше величество. Ни о чем подобном нет и речи. Но вы, как имперо, наверняка должны понимать, что, если с вами что-то случится, внутри дома Ву немедленно начнется соперничество за трон между вашими многочисленными родственниками. Многие из них были не слишком довольны, когда вы – по полному праву – стали наследницей после вашего брата. Ясный порядок престолонаследия исключает любые вопросы.

– Исключает гражданскую войну, – сказала Ранатунга.

– Все согласны, что мы вряд ли умрем до коронации? – спросила Кардения у комитета.

– Звучит разумно, мэм, – улыбнулась Корбейн.

– В таком случае предлагаем отложить этот вопрос на потом. Если хотите, – Кардения кивнула в сторону Корбейн, – можете предоставить дому Нохамапитан лучшие места на коронации, а потом мы поговорим с Амитом Нохамапитаном.

– Да, мэм.

– Подчеркиваю: именно «поговорим». Надеемся, что нас правильно поняли, и мы не будем представлены лорду Нохамапитану иным образом.

– Да, мэм.

– Хорошо. Что-нибудь еще?

– Еще одна мелочь, – сказала Корбейн. Кардения молча ждала. – Нам нужно знать ваше имперское имя.

– Мы – Грейланд, – помедлив, ответила Кардения. – Грейланд Вторая.

– Терпеть не могу это имперское «мы», – призналась Кардения Наффе.

После встречи с исполнительным комитетом обе отправились на Сиань, сердце Взаимозависимости, чтобы Кардения, теперь – Грейланд Вторая, начала официально принимать власть от своего покойного отца. По прибытии Грейланд Вторую немедленно окружили советники, придворные, подхалимы и помощники, все со своими программами и планами. Кардению они успели утомить за первый же час – но отныне такой должна была стать вся ее жизнь.

– Что тебе в нем не нравится? – спросила Наффа.

– Слишком уж претенциозно.

– Ты же имперо, – заметила Наффа. – В буквальном смысле единственный человек во вселенной, кто может пользоваться им без всякой претенциозности.

– Ты знаешь, о чем я.

– Да, знаю. Просто мне кажется, что ты ошибаешься.

– То есть ты считаешь, что мне следует пользоваться этим местоимением постоянно?

– Я этого не говорила, – возразила Наффа. – Но признайся, ты же получила фантастическую власть. «Что, у тебя есть мнение? Да и хрен с тобой – мой голос засчитывается за два».

Кардения лишь улыбнулась.

Обе наконец оказались наедине в огромных покоях имперского дворца на Сиане. Всех помощников, придворных и советников Наффа выставила за дверь. На сегодня у Кардении оставалось лишь одно дело – здесь, в ее покоях, за дверью, которую мог открыть только имперо.

По крайней мере, так Кардения объяснила Наффе.

– Только имперо? – нахмурилась та.

– Да.

– Что будет, если туда войдет кто-то другой? Там собаки? Или лазеры, которые испепелят тебя?

– Вряд ли.

– Туда могут входить твои слуги? Или техники? Или ты, имперо, сама должна там прибираться? Там есть маленький пылесос? Разве твое дело – убирать там пыль?

– Вряд ли ты всерьез к этому относишься, – заметила Кардения.

– Очень даже всерьез, – заверила ее Наффа. – Просто я скептически отношусь к тому, как все это изображают.

Обе посмотрели на дверь.

– Ну? – спросила Наффа. – Можешь покончить со своими делами.

– А ты?

– Если хочешь, могу остаться здесь и подождать, пока ты не закончишь.

– Я не знаю, сколько времени это займет, – покачала головой Кардения.

– Тогда я буду у себя, в другом конце дворца, куда меня сослал дворцовый мажордом.

– Мы изменим это.

– Нет, не надо, – возразила Наффа. – Тебе нужно иметь возможность побыть вдали от всех, в том числе от меня. – Она встала. – Все равно мы в одном здании, просто до меня шестнадцать флигелей, только и всего.

– Не думаю, что в этом дворце шестнадцать флигелей.

– В нем двадцать четыре главные секции.

– Что ж, тебе лучше знать.

– Да, – кивнула Наффа. – Скоро узнаешь сама. – Она отвесила поклон. – Спокойной ночи, ваше величество.

Она улыбнулась и вышла. Кардения посмотрела ей вслед, а затем переключила свое внимание на дверь.

Дверь была богато украшена, как и все во дворце, и Кардения поняла, что от этих изобразительных мотивов ей теперь, вероятно, никуда не деться. Она не могла просто сжечь все дотла и начать с чистых линий и пространств, сколь бы заманчивой ни казалась подобная мысль. Да, она была имперо, но даже для них существовали определенные границы.

На двери не оказалось ни ручки, ни панели доступа – ничего, что намекало бы на возможность открыть ее. Кардения робко провела по ней рукой в поисках потайной кнопки.

Дверь ушла в сторону.

«Настроена на мои отпечатки пальцев?» – подумала Кардения и вошла. Дверь закрылась за ее спиной.

Помещение за дверью было большим, как спальня в имперских покоях, – обширнее даже тех апартаментов, в которых выросла Кардения. Какая-либо обстановка отсутствовала, на считая единственной скамьи, выступавшей из стены слева. Кардения подошла и села.

– Я здесь, – сказала она, не обращаясь ни к кому конкретно.

Посреди комнаты появилась светящаяся фигура и направилась к ней. На самом деле это было лишь изображение, создаваемое микропроекторами в потолке. Кардения заинтересовалась физикой этого процесса, но лишь на секунду,

поскольку изображение остановилось прямо перед ней.

– Приветствую, импero Грейланд Вторая, – произнесло оно с поклоном.

– Ты знаешь, кто я? – спросила Кардения, опустив имперское «мы».

– Да, – ответило изображение, не обладавшее какими-либо различимыми признаками пола или возраста. – Я Цзии[4 - Цзии – память (кит.).]. Вы в Зале Памяти. Прошу сказать, чем я могу вам помочь.

Кардения знала, зачем она здесь, но поколебалась.

– Кто-нибудь входит сюда, кроме импero?

– Нет, – ответил Цзии.

– Что, если я кого-нибудь приглашу?

– Сфокусированный свет и звуковые волны сделают пребывание здесь невыносимым для любого, кроме правящего импero.

– Я могу это изменить?

– Нет.

– Я импero.

«И спорю с машиной», – подумала Кардения, но вслух говорить не стала.

– Запрет установлен пророчицей, – сказал Цзии, – чей приказ нерушим.

– Этот зал уже был при первой импero? – ошеломленно спросила Кардения.

– Да.

– Но Сианя тогда не существовало.

– После основания Сианя зал перенесли сюда из Ядропада, вместе с другими деталями дворца. Остальную часть дворца построили вокруг него.

Картина космической станции Сиань, строящейся вокруг имперского дворца, показалась Кардении такой абсурдной, что она едва не рассмеялась.

– Значит, тебе тысяча лет? – спросила она у Цзии.

– Я храню информацию начиная с основания Взаимозависимости, – ответил Цзии. – Аппаратура, где она хранится, регулярно обновляется, как и функциональные элементы данной комнаты, а также изображение, которое вы видите.

– Мне казалось, ты говорил, что в эту комнату может войти только импero.

– Обслуживанием занимаются автоматы, мэм, – сказал Цзии, и Кардении почудилось, будто она услышала в его голосе едва заметную насмешку. Сперва она почувствовала себя слегка глупо, но потом ей стало любопытно.

– Ты живой, Цзии? – спросила она.

– Нет, – ответил Цзии. – В этом зале нет ничего живого, кроме вас, мэм.

– Ну конечно, – кивнула Кардения, ощутив легкое разочарование.

– Полагаю, разговор можно считать законченным, – произнес Цзии. – Могу еще чем-нибудь помочь?

– Да, – сказала Кардения. – Я бы хотела поговорить с моим отцом.

Цзии кивнул и исчез. На его месте посреди комнаты возникла из ничего другая фигура – отец Кардении, Батрин, покойный импero Аттавио Шестой. Взглянув на дочь, он улыбнулся и направился к ней.

Зал Памяти был учрежден пророчицей-импero Рахелой Первой вскоре после основания Взаимозависимости и ее воцарения как первой импero. Тело каждого импero пронизывала личная сеть датчиков, улавливавших не только все увиденное, услышанное или произнесенное им, но и остальные его ощущения, действия, эмоции, мысли и желания.

В Зале Памяти содержались мысли и воспоминания каждого импero Взаимозависимости, вплоть до самой пророчицы-импero Рахелы Первой. При желании Кардения могла бы задать любому из своих предшественников любой вопрос о них самих, их правлении, их временах. И они ответили бы ей на основе смоделированных компьютером воспоминаний и мыслей – накопленных за десятилетия фактов их личной жизни, записанных и хранившихся прямо в этом помещении.

Вся эта информация предназначалась лишь для одного места – Зала Памяти. И получить ее мог только один человек – правящий импero.

Кардения вновь невольно дотронулась до затылка со вживленным имплантом сети, который теперь разрастался внутри нее. «Однажды здесь окажется все, что я совершу как импero, – подумала она. – Чтобы это могли увидеть мои дети и их дети. Каждый импero будет знать, кем я была, намного лучше, чем сама история».

Она взглянула на призрак отца, стоявший теперь прямо перед ней, и ее пробрала дрожь. Похоже, тот это заметил.

– Ты не рада меня видеть? – спросил он.

– Я видела тебя всего несколько часов назад, – ответила Кардения, поднявшись со скамьи и окидывая взглядом изображение отца. Оно выглядело идеальным, и, казалось, до него можно было дотронуться, чего Кардения делать не стала. – Тогда ты был мертв.

– Я и теперь мертв, – сказал Аттавио Шестой. – Моего сознания больше нет. Все остальное сохранено.

– Значит, ты сейчас без сознания?

– Да, но я могу общаться с тобой так, словно я в сознании. Можешь спрашивать о чем угодно – я отвечу.

– Что ты думаешь обо мне? – выпалила Кардения.

– Я всегда считал тебя приятной молодой леди, – сказал Аттавио Шестой. – Умной и заботливой. Вряд ли из тебя получится действительно хорошая импero.

– Почему?

– Сейчас Взаимозависимость не нуждается в хорошем импero – как, собственно, и всегда. Правда, она относится к ним терпимо, если не происходит ничего существенного. Но сейчас не те времена.

– По-моему, я сегодня произвела не слишком хорошее впечатление на исполнительный комитет, – ответила Кардения, невольно попытавшись защититься.

– Не сомневаюсь, что после моей смерти, во время твоей первой встречи с ними, комитет изо всех сил старался демонстрировать сдержанность и почтение. Но они также пытались выяснить, какая длина поводка тебя больше всего устраивает, ибо намерены получить от тебя все, чего пожелают, и очень скоро дернут за этот самый поводок.

– Что-то мне не нравится твоя откровенность, – помедлив, проговорила Кардения.

– Если хочешь, можем подкорректировать мою модель общения, чтобы я стал больше похожим на того, кем был при жизни.

– Хочешь сказать, что при жизни ты мне лгал?

– Не больше, чем кому-нибудь другому.

– Утешил, нечего сказать.

– При жизни я был человеком со своим «я», как и любой другой. С собственными желаниями и намерениями. Здесь же я – не более чем набор воспоминаний, созданный, чтобы помочь тебе, нынешней имперо. У меня нет своего «я», которому можно было бы польстить, а твоему я стану льстить только по приказу. Хотя не советую – тогда от меня будет меньше пользы.

– Ты меня любил?

– Зависит от того, что понимать под любовью.

– Слишком уклончивый и эгоистичный ответ.

– Я питал к тебе нежные чувства, но ты мне мешала, пока не понадобилась в качестве наследницы. Когда ты стала кронпринцессой, я вздохнул с облегчением, узнав, что ты меня не возненавидела. И даже если бы возненавидела, моей вины в том нет.

– Умирая, ты сказал: жаль, что судьба не дала тебе шанса любить меня и дальше.

– Я вполне мог сказать это, – кивнул Аттавио Шестой. – И скорее всего, говорил всерьез.

– Ты не помнишь?

– Пока нет. Мои последние мгновения еще не загружены в память.

Кардения сменила тему:

– Я решила взять имперское имя Грейланд Вторая, как ты и предлагал.

– Да. По крайней мере, эта информация есть в нашей базе данных. Что ж, хорошо.

– Я почитала про нее.

– Да, я собирался тебя об этом попросить.

– И попросил, прежде чем умереть. Почему ты хотел, чтобы я назвалась ее именем?

– Я надеялся, что оно побудит тебя всерьез отнестись к грядущим событиям и к тому, что они от тебя потребуют, – сказал Аттавио Шестой. – Ты слышала о графе Клермонте с Края?

– Слышала, – ответила Кардения. – Твой давний любовник.

– Вовсе нет, – улыбнулся Аттавио Шестой. – Друг. Очень хороший друг и ученый. Именно он снабдил меня информацией, которой больше не было ни у кого и которую никто другой не пожелал бы иметь. Для работы и исследований ему требовалась полная изоляция от двора, правительства и даже научного сообщества Взаимозависимости. Он собирает данные уже тридцать с лишним лет и знает о предстоящих событиях больше всех. Ты должна быть готова к ним – сейчас ты совершенно не готова. И меня беспокоит, что тебе не хватит сил довести дело до конца.

Кардения уставилась на призрак Аттавио Шестого, который стоял перед ней с едва заметной рассеянной улыбкой.

– Ну? – наконец спросила она. – О чем, собственно, речь?

Глава 4

– Кто знает, что такое Взаимозависимость? – спросил из глубины планетария Марс Клермонт.

С зрительских мест взлетели руки нескольких восьмилетних детей. Марс окинул их взглядом, высматривая того, кто настойчивее других стремился ответить на вопрос.

– Да? Отвечай. – Он выбрал мальчишку, сидевшего во втором ряду.

– Мне нужно в туалет, – сказал тот. Марс увидел, как наставница за спиной мальчика закатила глаза, встала, схватила его за руку и повела в сторону туалетов. Тогда Марс выбрал вместо него девочку.

– Это государство из звездных систем, где мы все живем, – ответила та.

– Верно. – Марс нажал кнопку на своем планшете, приглушая свет и начиная показ. – Это государство из звездных систем, где мы живем. Но что это означает на самом деле?

Прежде чем он успел ответить, планетарий слегка содрогнулся от рева двух перехватчиков, пронесшихся над университетским научным центром, частью которого являлся планетарий. Дети зашумели, и наставницы начали их успокаивать, говоря, что ничего страшного не случилось.

Насчет последнего Марс не был уверен.

Университет Ополе, где находился научный центр, располагался далеко от столицы и средоточия боев. Однако за последнюю неделю ситуация резко изменилась не в пользу герцога и верных ему войск: мятеж пускал ростки даже в дальних провинциях, а вместе с ним приходило насилие.

Марс несколько удивился, когда сегодня возле научного центра появился полный детей автобус – он полагал, что во всех школах, как и в университете, отменили занятия. Но потом он увидел лица сопровождавших детей взрослых: казалось, те преисполнились мрачной решимости вести обычные школьные занятия, пока есть возможность.

Марс – тем утром он был на работе единственным, не считая уборщиков, да и то пришел лишь в надежде собрать материалы, которых пока не было в сети, – не посмел разочаровать новоприбывших. Он повел их в планетарий и, покопавшись в памяти, вспомнил стандартный текст экскурсии о Взаимозависимости.

– Все в порядке, – сказал он, обращаясь к детям. – Самолеты просто пролетели мимо. Мы лишь оказались на их пути, только и всего. Университету ничто не угрожает.

Пожалуй, и это было неправдой: в университете Ополе многие сочувствовали повстанцам, от обдолбанных студентов, искавших, к какому движению присоединиться, до бунтарски настроенных преподавателей, которым нравилось ругать герцога, не рискуя при этом должностью. Большинство из них, как студенты, так и преподаватели, вероятно, сейчас сидели в подвале. Марс, совершенно аполитичный, нисколько не винил их в этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Касида аль-Бурда» («Поэма мантии») – ода в честь пророка Мухаммеда, написанная выдающимся египетским суфием аль-Бусири.

2

Буйабес – рыбная похлебка с чесноком, овощами и пряностями.

3

Названия двух кораблей (в оригинале – «Yes, Sir, That’s My Baby» и «No, Sir, I Don’t Mean Maybe») представляют собой две первые строчки популярной американской песни, ставшей известной в исполнении Фрэнка Синатры. Кроме того, в честь американских песен и фильмов назван ряд других кораблей.

4

Цзии – память (кит.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/skal-ci_dzhon/krushenie-imperii

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить